

О. В. Бубновская, К. А. Якубенко

Факторы девиантного поведения российской молодёжи с учётом социально-экономического развития регионов¹

БУБНОВСКАЯ Олеся Владимировна — кандидат

психологических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска, Школа экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет». Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Email: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

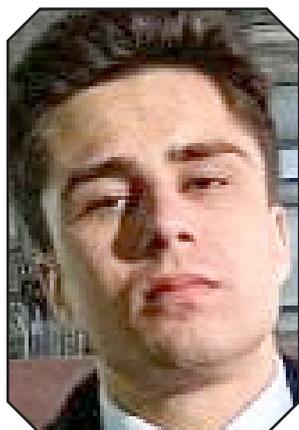
В статье с учётом социально-экономического развития регионов исследуются факторы вовлечённости молодёжи в девиантное поведение. Значимые для развития девиации подавляют социальные и экономические возможности, причиняя ущерб качеству жизни и благополучию. Понимание междисциплинарного и регионального контекста позволит повысить эффективность государственных программ, научно обоснованной профилактики и коррекции девиантного поведения молодёжи.

Материалами исследования являются статьи по тематике девиаций, данные официальной статистики по преступности, зависимостям и социально-демографическим проблемам за 2018–2023 гг., а также показатели социально-экономического благополучия регионов России, включая доходы, уровень экономического неравенства, численность населения, качество жизни, приверженность здоровому образу жизни.

Для обработки и анализа данных применены методы описательной статистики, анализ текстов, моделирование структурными уравнениями, корреляционный, факторный и регрессионный анализы.

Результаты исследования выявили, что неоднозначность экономической причинности девиантного поведения молодёжи вытекает из упущения социальных факторов и региональной специфики. Так, негативное воздействие бедности и неравенства как значимых факторов возникновения девиаций может смягчаться включённостью в социальные институты и социальной поддержкой (и наоборот). Преступность, уровень которой в России связан с вовлечённостью в другие формы девиантного поведения (например, употребление алкоголя), наблюдается в регионах и с высоким уровнем экономического благосостояния, где также высок уровень вовлечённости в связанные с употреблением наркотиков молодёжные преступления. На неблагоприятных территориях распространены экстремист-

¹ Проект «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлечённости в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества» поддержан в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19 мая 2022 г. № Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов–победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 7 февраля 2022 г. по 31 декабря 2024 г. Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ» (целевое назначение — пожертвование СБЕР (ПАО) на развитие ШЭМ). Доклад по материалам исследования представлен на Ясинской (Апрельской) международной научной конференции НИУ ВШЭ в 2023 г. Авторы признательны НИУ ВШЭ за покрытие расходов молодого учёного на участие в конференции.

ЯКУБЕНКО Константин Андреевич —

студент 4-го курса
Школы экономики
и менеджмента,
направление
«Экономика» ФГАОУ
ВО «Дальневосточный
федеральный
университет». Адрес:
690922, Приморский
край, г. Владивосток,
о. Русский, п. Аякс, 10.

Email: yakubenko.ka@
dvfu.ru

Работа публикуется
журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

ские и террористические преступления при низком уровне употребления алкоголя и курения.

В целом более высокую статистическую значимость по сравнению с экономическим неравенством и уровнем доходов как непосредственными причинами девиантного поведения российской молодёжи получили факторы численности населения, качества жизни и приверженности здоровому образу жизни.

Ключевые слова: девиантное поведение; факторы девиаций; молодёжь; социально-экономическое развитие регионов; благополучие и безопасность; Россия.

Введение

Склонность к девиациям остаётся одним из значимых факторов в оценке развития молодых людей, что определяет актуальность исследования в связи с вопросами обеспечения безопасности молодёжной среды. Проблемы девиаций как устойчивого поведения личности, отклоняющегося от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся общественных норм [Громов, Мацкевич, Семёнов 2003], усиливаются в условиях интенсивной трансформации современного общества, связанной с процессами цифровизации, изменениями в структуре занятости, в институтах семьи и образования [Рубан 2018; Кошарная, Данилова 2021].

При этом региональный контекст может обуславливать установление формальных и неформальных общественных требований, из-за которых появляются сложности в связи с расхождением институциональных требований, диспозиций одного человека, ожиданий другого (других) [Грошева 2008].

Согласно последним масштабным исследованиям, проведённым в разрезе поколенческой дискуссии [Аузан et al. 2022], образ современной молодёжи сопровождается вовлечённостью в девиации и насилие, что отражается на качестве жизни и благополучии молодых людей, их возможностях. Внимание заслуживает неоднозначность причинности девиантного поведения молодёжи (например, акцент на экономических причинах при упущении социальных факторов, которые могут смягчать или усиливать негативное влияние). Особенно важна оценка тенденций и факторов рискованных практик молодёжи в период турбулентности и растущего экономического неравенства. Их понимание с учётом региональной специфики позволит определить наиболее эффективные меры профилактики и коррекции девиантного поведения, что требует междисциплинарности и системного анализа [Галич et al. 2010].

Фактором негативного и опасного поведения может выступать и наличие проблем с психологическим благополучием молодёжи [Bubnovskaya 2013; Баева et al. 2022]. По результатам опроса ВЦИОМа, выросло на треть число нуждающихся в психологической помощи людей в возрасте 18–24 лет [ВЦИОМ 2022]. Методическая экспертиза, проведённая Уполномоченным

при президенте России по правам ребёнка в 2021 г., показала, что более 55% учащихся были либо жертвами, либо участниками буллинга. По данным Глобального индекса благополучия молодёжи [Global Youth Wellbeing Index 2017], Россия входит в десятку стран с самым неудовлетворительным рейтингом смертности от межличностного насилия и суицидов молодёжи (20 смертей и 60 суицидов на 100 тысяч населения). Это отражается на качестве жизни молодёжи, на стремлении к свойственным этой возрастной группе инновационности, активности, созидательности [Пузиков, Шурбе 2011].

При этом анализ официальных показателей преступности России [Портал правовой статистики 2023] и федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам [Росстат 2023b] демонстрирует снижение за последние пять лет доли вовлечённости обучающейся молодёжи в преступления и девиации. Хотя указанные данные могут говорить об улучшении социально-экономических аспектов жизни молодых людей, вопросы их благополучия и безопасности остаются дискуссионными, требуя междисциплинарной оценки факторов, способствующих девиантному поведению молодёжи и смягчающих его, их учёта при планировании и корректировке государственной политики, в том числе в разрезе различных по национальному и религиозному составу регионов.

Обзор литературы и проблема исследования

Смысл понятия «девиантное поведение» различается в разных подходах, формируя представление о социальном контексте [Duncan et al. 2017], разнообразии форм девиаций, их соотношении с социально приемлемым поведением. При этом зарубежные исследователи делают акцент на структурных факторах и нормах, а также на нарушениях социальной регуляции поведения и дефектности психической саморегуляции, что может отождествлять это понятие с делинквентностью. Российские учёные, используя также термин «отклоняющееся поведение», рассматривают девиации как одну из возможных форм проявления дезадаптации, как сложное социальное явление, «имеющее место быть в случаях отсутствия клинически проявляющейся пограничной патологии» [Паатова, Бегидова, Хакунов 2012: 2–3].

Отсутствие единого определения понятия «девиантное поведение» обусловлено его междисциплинарностью, сложностью и многозначностью, находящих отражение в названии подходов (например, биосоциологический, биокриминологический, эпигенетический, экзистенциально-гуманистический и др.). Формы девиаций изучаются разными науками; например, преступность — юриспруденцией, аморальное поведение — социологией, психологией, психиатрией и другими науками [Манохина 2011]. При этом расширение репертуара проявлений девиаций в современном мире ведёт к созданию всё новых концепций. В исследованиях девиантного поведения получает распространение качественная методология, которая делает акцент на анализе кейсов девиантов, нарративов и контекстов восприятия [Hunt, Evans, Kares 2007], рассматривая девиации как социальную плоскость, где могут достигаться значимые для молодёжи результаты, связанные с социальной активностью и ценностями [Чернышева, Балацук 2003].

Мы рассматриваем девиантность в связи с социализацией через понятие «норма» (например, поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья, нарушающее и изменяющее нормы и ожидания через демонстрацию ценностного отношения к ним, и др.), которая может оцениваться в контексте социального, психологического, психиатрического, этнокультурного, поколенческого, возрастного, гендерного и других подходов. Девиация как отклонение от некоторой нормы обычно соотносится с нарушениями или клиническими синдромами, которые могут иметь не только негативный, но и позитивный характер, а также быть социально нейтральными [Клейберг 2015]. Девиантное поведение часто определяется особенностями позиции личности по отношению к жизни и своей судьбе. Мысля фаталистически, человек позволяет различным детерминантам определять свой жизненный путь, что часто вызывает чувство бессмысленности, неврозы, депрессию, наркоманию и агрессию [Франкл 1990].

Уделяя особое внимание вопросу детерминации девиантного поведения, под которой понимается совокупность факторов, вызывающих, провоцирующих, усиливающих или поддерживающих его, необходимо отметить полидетерминированность с участием внешних условий среды, внутренних наследственно-биологических и конституциональных предпосылок, психологических предикторов.

Значимыми признаются социальные условия, включающие общественные процессы, характеристики социальных групп, микросоциальную среду [Змановская 2004]. Девиации как фактор общественного здоровья могут выступать результатом дезинтеграции общества, аномии, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые ещё не утвердились (Э. Дюркгейм), несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социальной структурой, задающей средства их удовлетворения (Р. Мёртон), различий между участниками социального взаимодействия и невыполнения ожиданий (Т. Парсонс), несоответствия между распределением благ и личными качествами людей (П. Сорокин), влияния норм девиантной субкультуры и обучения (Р. Клауорд, Л. Оулин), неуспешного лично-сценарного построения жизнедеятельности, основанного на социопатической системе убеждений (Л. Шнейдер), заблокированного процесса самоактуализации и зависимости от оценок извне (К. Роджерс), фрустрации базовых потребностей и неблагоприятных социальных условий (А. Маслоу), экзистенциальных противоречий и «бегства от свободы» (Э. Фромм), неблагоприятия в объектных отношениях (З. Фрейд), комплекса неполноценности в сочетании с неадекватными жизненными установками и неразвитым чувством общности на фоне идеи превосходства (А. Адлер), сложного обусловливания среды, оказывающей влияние через подкрепление и наказание. В целом любое поведение человека социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения [Бандура 2000].

В зависимости от особенностей взаимодействия индивида с реальностью, механизма возникновения поведенческих аномалий и нарушения тех или иных норм общества можно выделить (1) делинквентное поведение и преступления, противоречащие правовым нормам, (2) аддиктивное поведение, связанное с зависимостью от каких-либо веществ или поведения, (3) патохарактерологическое поведение, вызванное особенностями личности, (4) психопатологическое поведение, связанное с наличием психического расстройства, а также (5) поведение, реализуемое на базе гиперспособностей личности [Менделевич 2005]. Как можно заметить, в нормативном подходе, более свойственном российскому дискурсу, к девиациям относятся и болезни, включая депрессию, что найдёт отражение и в дальнейшем анализе.

Также в исследовательских работах присутствует разделение девиаций на индивидуальные (например, аутоагрессивное поведение в виде суицидальных попыток, нарушение пищевого поведения, злоупотребление веществами, вызывающими изменения психической деятельности) и групповые; на временные и постоянные; устойчивые и нестабильные; стихийные и спланированные; организованные и неструктурированные; экспансивные и неэкспансивные; эгоистические и альтруистические; осознаваемые и неосознаваемые разновидности. К основным видам девиантного поведения, сопровождающего процесс социализации и зрелости, исследователи относят противоправные действия, раннюю алкоголизацию и наркоманию [Шнейдер 2006].

При этом противоречащие благополучию формы рассматриваются как наиболее опасные и приводящие к применению обществом определённых санкций (например, изоляция, лечение, исправление или наказание нарушителя) и регулируются законодательством. Так, экстремизм определяется как деятельность по планированию, организации и совершению действий, «направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности России»², включая публичные призывы

² Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

и финансирование, а терроризм — как действия, «устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций»³, включая воздействие на принятие ими решений.

Среди факторов девиантного поведения выделяют социально-демографические [Fedushko et al. 2013], экономические [Kotlaja, Fagan, Wright 2020], психологические [Hess, Copeland 2001], личностные [Morizot 2015; Rivard et al. 2019] и другие, часто с акцентом на роли экономики, общая нестабильность которой, выражающаяся в безработице, криминализации экономических отношений и коррупции, ведёт к нарушениям поведенческих установок в социальной сфере [Сухова, Селезнева, Михайлова 2011; Безвербный 2017]. При этом важно учитывать гендерную специфику, так как многие факторы (например, характеристики места проживания наряду с семейными факторами) являются более надёжными предикторами правонарушений для женщин, чем для мужчин [Chamberlain, Boggess, Powers 2021], хотя стирание различий в их социальных статусах может уравнивать подобные эффекты.

С одной стороны, связанные с финансовыми возможностями семьи регион и место проживания напрямую влияют на поведение молодёжи из-за окружения, которое воздействует на формирование и развитие личности [Charman 2005], даже на качество сна, а их нарушения могут приводить к дезадаптации и экстернализирующему поведению [El-Sheikh et al. 2020]. В исследованиях установлено: чем ниже уровень благосостояния территории и беднее район, тем больше девиаций, зависимостей и убийств, выше преступность и смертность от насилия [Galea, Karpati, Kennedy 2002; Fagan, Wright, Pinchevsky 2015; Morris et al. 2019]. Высокий уровень социального неравенства, нахождение на территории районов крупных транспортных узлов и вокзалов, большое количество нелегальных мигрантов и бродяг, неэффективная работа полиции, широкая продажа алкоголя и наркотиков признаются факторами девиантного поведения [Безвербный 2017].

С другой стороны, не всегда экономически неблагополучная молодёжь характеризуется девиациями [Bunney, Parsons 2002]. К насилию, травле и другим проявлениям девиантного поведения часто приводят бедность и социально-экономические различия [Hoelscher 2015; Berkowitz 2020], но политический и институциональный контекст, культурные, социальные и другие факторы могут усиливать либо смягчать потенциальное влияние неравенства на проявления агрессии [Pabayo, Molnar, Kawachi 2014]. Так, молодые люди, живущие в семьях с низким доходом, но получающие адекватную поддержку родителей, сверстников и других агентов социализации, могут избежать неудач и социальной изоляции [Ngai et al. 2013]. Также естественным образом расширяет социальные связи работа [Doucet, Lee 2015], отсутствие которой приводит к девиантному поведению молодёжи, в том числе к преступности, наркомании и насилию, а часто и к смерти [Baron, Hartnagel 2002; McAra, McVie 2016].

Отметим, что связи с сообществом и гражданские институты особенно важны для испытывающих наибольший дефицит ресурсов, так как экономическая депривация может приводить к большей замкнутости, снижению доверия, неспособности оказывать и принимать социальную поддержку, согласовывать нормы, регулирующие поведение [Bursik, Grasmick 1993; Sampson, Raudenbush, Earls 1997; McCall, Parker, MacDonald 2008; Kotlaja, Fagan, Wright 2020], препятствуя конструктивному взаимодействию на фоне роста невзгод и девиаций в качестве реакции на хронический стресс (например, сокращение доступа к социальным услугам, хроническая безработица и др.). При этом низкий уровень доверия к социальным институтам порождает чувство незащищённости и социального дискомфорта, провоцирующие склонность к нарушению правовых норм, насилие, протестность или, наоборот, социальную пассивность и конформность.

³ Статья 205 «Террористический акт» Уголовного кодекса Российской Федерации от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ.

В качестве причинности девиантного поведения и насилия важно учитывать эффекты и неэкономических факторов. В концепции социальной дезорганизации Т. Шибутани [Shibutani 1961], опирающейся на идеи Э. Дюркгейма и Р. Мёртона, отклоняющееся поведение объясняется социальными изменениями в обществе, дезорганизуемыми принятыми стандартами жизни и приводящими к разрыву между старыми и новыми нормами и ценностями [Turner 1990; Deflem 2017].

У молодёжи, характеризующейся общей психологической неустойчивостью [Личко 1983; Ганнушкин 2000], происходят формирование идентичности [Крайг 2012] и выбор внутренней позиции, определяющей дальнейший жизненный путь развития и автономии или противостояния обществу, его нормам и правилам [Мухина 2006]. При этом для личности девианта часто свойственны компенсирующие тенденции, направленные на уход от дискомфорта путём интенсификации отклоняющихся форм поведения в ситуации социального функционирования [Клейберг 2024]. Так, например, согласно исследованиям, молодые люди с зависимостями характеризуются раздробленностью и противоречивостью ценностно-смысловой сферы, нарушением связности, структурированности и интегрированности мировоззренческих представлений, мозаичностью представлений об основаниях человеческих действий [Гвоздева 2016]. Часто субкультура девиантной молодёжи определяется ленью и безволием, за которыми при этом могут стоять выгорание, социальное исключение, острое восприятие отчуждения своего труда, потеря смысла повседневности и экзистенциальной безопасности. Потребительская субкультура девиантной молодёжи выражается отсутствием «настоящих» интересов и пассивным гедонизмом [Хагуров 2013], который наряду со склонностью к нарциссизму, эгоизму, с желанием жить «здесь и сейчас» характеризует поколение Z [Аузан et al. 2022].

Среди личностных характеристик девиантной молодёжи выделяют личностную незрелость, необдуманность поступков, облегчённое отношение к чужой собственности [Позднякова, Хагурова 2012], акцентуации характера, неадекватную самооценку и проблемы с самоуважением, эмоциональную неустойчивость и агрессивность, а также отклонения в психическом развитии [Бураков 2018]. При этом на «обычную» культуру детей, подростков и молодёжи воздействуют проблемы во взаимоотношениях внутри семьи, криминальная и тюремная культуры [Ханипов 2008] и др.

Итак, анализ литературы по тематике обусловленности девиантного поведения, его профилактики и коррекции позволяет говорить о неоднозначности влияния экономических факторов и о необходимости учёта социальных эффектов. С одной стороны, девиации и экономическое неблагополучие связаны, молодёжь из неблагополучных районов и семей часто имеет проблемы с адаптацией и поведением, с другой — социальные механизмы поддержки и вовлечённости могут смягчать воздействие неблагоприятных факторов. Кроме того, эмпирические данные свидетельствуют о важности учёта форм девиаций для оценки предикторов, а также динамики изменения показателей благополучия молодёжи (например, её негативный характер в случае с насилием и суицидами и позитивный в случае курения и употребления алкоголя).

Исследовательский вопрос данной работы состоит в том, какова роль социально-экономических факторов для девиаций российской молодёжи в разрезе регионов, что может способствовать вовлечённости в девиантное поведение, а что его смягчать. Поиск ответа предполагает проверку гипотезы о связи уровня вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона, представленным рейтинговыми баллами по определённым показателям, включая отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини как уровень концентрации доходов, качество жизни и рейтинговый балл региона по здоровому образу жизни с учётом численности населения.

Цель исследования — оценить роль социально-экономических факторов вовлечённости в выявленные ключевые формы девиаций для контроля рисков их распространения в молодёжной среде. Инфор-

мация об операционализации изучаемых переменных с указанием показателей и источников данных представлена в приложении 1.

Задачи исследования включают частотный анализ литературы по теме вовлечённости молодёжи в девиации с выявлением распространённых форм и причин девиантного поведения, изучение динамики и вовлечённости в преступления и девиации на основе данных официальной статистики Российской Федерации, а также оценку эффектов социально-экономических факторов на девиантное поведение российской молодёжи с учётом его форм и региональной специфики, подразумевающей культурные, религиозные, национальные и социально-экономические особенности российских регионов.

Методы и процедура исследования

Для оценки распространённости в исследовательской литературе тематики девиаций и факторов девиантного поведения применялся метод частотного анализа текстов статей целиком (*case*), выполненный с помощью программного обеспечения QDA Miner Lite v. 1.4 [QDA Miner... 2023].

Материалами исследования выступают научные статьи по теме девиаций и насилия, поиск и отбор которых проведены в базе данных Science Direct по общему запросу на основе ключевых слов, связанных с тематикой исследования. Поисковая выдача составила 1851 публикацию. После ограничения результатов по критерию «тип статьи» (*article type*) и актуальности (временной период (*years*) «не старше пяти лет») с учётом релевантности в анализ включены 350 статей из тематических научных журналов, специализирующихся на изучении социально-экономических аспектов современной жизни человека (например, «Journal of Adolescent Health», «Journal of Adolescence», «Journal of Economic Behavior and Organization», «Journal of Criminal Justice»), ключевые из которых представлены в списке литературы. В основном отобранные статьи посвящены социальным и экономическим факторам девиаций, что подтверждает важность анализа социально-экономического контекста вовлечённости в девиантное поведение.

Для выявления распространённых форм и факторов девиантного поведения закодированы две группы слов на основе обзора статей из выборки: формы девиаций (*forms of deviations*) и социально-экономические факторы вовлечённости молодёжи в насилие и девиации (*socio-economic factors of youth involvement in violence and deviations*). Каждое из понятий образованных групп представляет собой отдельный код (*code*) для обозначения соответствующей части текста, присвоенный при обнаружении соответствующего понятия. Заданные на основе анализа литературы коды (например, для форм девиаций — преступность, травля, зависимости; для их факторов — бедность, безработица, коррупция и др.) представлены в приложении 2.

Для анализа вовлечённости молодёжи в девиантное поведение и его социально-экономических факторов с учётом регионального контекста на основе установленных в исследовании наиболее распространённых форм девиаций и их ключевых причин использованы следующие материалы:

- данные официальной статистики по девиантному поведению в России за 2018–2023 гг. [РИА Рейтинг. 2022a; 2022b; 2022c; Портал правовой статистики 2023; Росстат 2023a; 2023b], включая информацию об употреблении алкоголя и курении, о количестве преступлений, зарегистрированных на 10 тыс. человек, выявленных преступлений террористического и экстремистского характера, преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, преступлений, совершенных студентами и несовершеннолетними;
- показатели социально-экономического благополучия регионов России, включая отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг [РИА Рейтинг 2022a],

коэффициент Джини как уровень концентрации доходов, отражающий уровень экономического неравенства [Росстат 2022a], приверженность здоровому образу жизни и качество жизни [РИА Рейтинг 2022b; РИА Новости 2023b] с учётом численности населения [Демографический рейтинг... 2022; РИА Рейтинг 2022a].

Для анализа распределения данных о специфике социально-экономического благополучия регионов России и вовлечённости в девиантное поведение применялись методы описательной статистики, связи переменных — методы корреляционного анализа (критерий Спирмена, критические значения r : 0,207, 0,270 и 0,341 для $p \leq 0,05$, 0,01 и 0,001 соответственно), выявления факторов и оценки факторной структуры — факторного анализа (EFA, тесты Бартлетта и КМО) и моделирования структурными уравнениями (SEM), оценки эффектов социально-экономических факторов на девиации — регрессионного анализа (множественная линейная регрессия и метод случайного леса — Random Forest Regression).

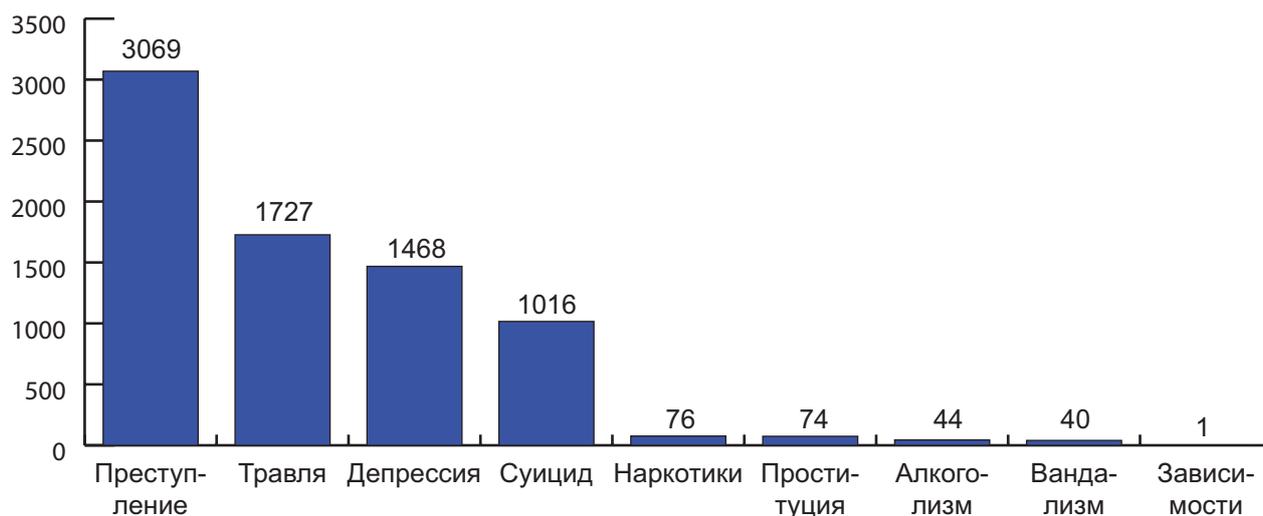
Данные для проведения корреляционного, факторного и регрессионного анализа нормализованы через реализацию функции `preprocessing.MinMaxScaler`. Для расчётов использовалась среда Python.

Триангуляция и разные источники данных, включающие федеральную статистику, позволили повысить надёжность получаемых результатов исследования, обеспечив их взаимопроверяемость и взаимодополняемость.

Результаты

Результаты частотного анализа литературы

В формах девиаций лидирующую позицию по количеству упоминаний в научных статьях занимает тема преступности, а также тема травли, депрессии и суицидального поведения (частотность 3069, 1727, 1468 и 1016 раз соответственно); к менее встречаемым относятся темы наркотиков, проституции, алкоголизма, вандализма и зависимости (частотность 76, 74, 44, 40 и 1 раз соответственно); остальные коды не обнаружены (см. рис. 1.).

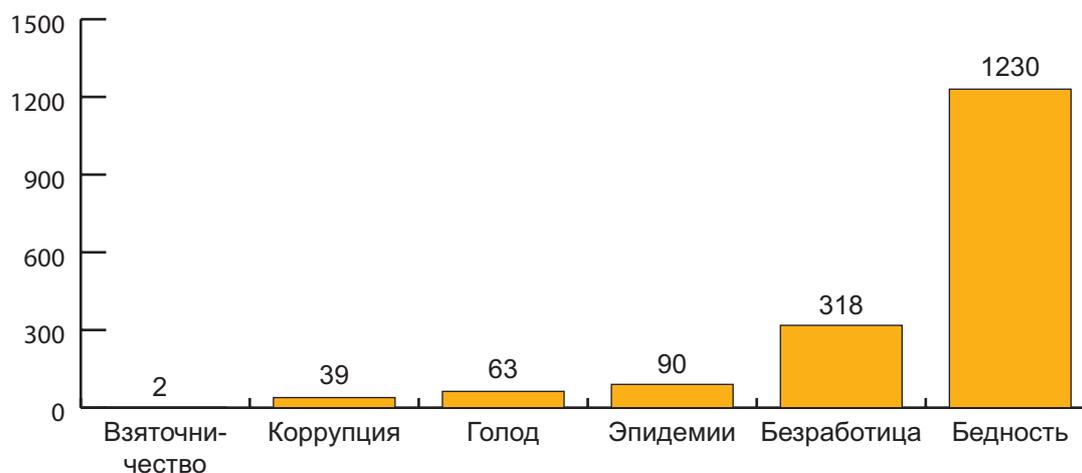

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Результаты частотного анализа форм девиаций (сумма: 7515)

Относительно социально-экономических факторов девиаций молодёжи исследовательский интерес в работах сосредоточен вокруг бедности и безработицы, а также эпидемии, голода, коррупции и взяточ-

ничества (частотность 1230, 318, 90, 63, 39 и 2 раза соответственно), остальные коды не обнаружены (см. рис. 2).

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Результаты частотного анализа факторов девиаций (сумма: 1742)

Доля обозначающих девиации кодов в выборке, как отношение количества упоминаний определённого фактора девиаций к сумме упоминаний всех факторов, составила: преступление (*crime*) — 40,8%; буллинг (*bullying*) — 23%; депрессия (*depression*) — 19,5% и суицид (*suicide*) — 13,5%. В число кодов с наименьшей долей вошли наркотики (*drugs*) и проституция (*prostitution*) — по 1%; алкоголизм (*alcoholism*) — 0,6% и вандализм (*vandalism*) — 0,5%.

Доля документов (статей) с кодами, обозначающими социально-экономические факторы, представлена бедностью (*poverty*) — 53%; безработицей (*unemployment*) — 26%, что подтверждается и частотой кодов (13 и 3,4% соответственно). Наименее встречаемы документы с кодами «эпидемия» (*epidemic*), «голод» (*hunger*), «коррупция» (*corruption*) и «взяточничество» (*bribery*) (11, 6, 4 и 0,001% случаев соответственно).

Таким образом, согласно частотному анализу статей, наиболее распространённой формой девиантного поведения является преступность, а ключевым фактором девиаций выступает бедность. Связь этих показателей будет оценена ниже с использованием статистических данных по регионам РФ.

Результаты сопоставления показателей девиантного поведения и социально-экономического благополучия российских регионов

Для проверки гипотезы о связи уровня вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона сопоставим данные о наиболее распространённой форме девиантного поведения — о преступлениях (количество преступлений на 10 тыс. человек; количество преступлений, совершённых студентами и несовершеннолетними; количество преступлений террористического и экстремистского характера; количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения) и социально-экономические показатели территорий (отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг; коэффициент Джини; численность населения; индексы качества жизни и приверженности здоровому образу жизни), а также оценим связи переменных (см. табл. 1) и их эффекты на вовлечённость в девиантное поведение.

Поскольку совершение преступлений часто сопровождается употреблением алкоголя, что наряду с курением является распространённой формой девиаций для молодёжи, в анализ включены статистические данные о зависимостях (потребление крепкого алкоголя на душу населения и доля курильщиков), отказ от которых сопоставим со здоровым образом жизни.

Относительно девиаций (см. приложение 3а) по результатам анализа представленности регионов России по показателям вовлечённости в девиантное поведение и преступность с учётом их социально-экономического благополучия меньшее число зарегистрированных преступлений наблюдается в Чечне, Ингушетии и Дагестане, которые при этом наряду с Москвой и Московской областью выделяются по количеству террористических и экстремистских преступлений. Минимальное число экстремистских преступлений свойственно для Ненецкого автономного округа, Чукотки и Липецкой области, а отсутствие терроризма — для Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области и Бурятии.

Возглавляют рейтинг регионов по количеству преступлений в целом Амурская область, Республика Алтай и Бурятия. По уровню преступности несовершеннолетних и студентов лидируют Свердловская, Кемеровская и Челябинская области, наименьшим уровнем преступности несовершеннолетних характеризуются Чечня, Чукотка и Ненецкий автономный округ, студентов — Ингушетия, Чечня и Чукотка. Два первых региона (Ингушетия и Чечня) наряду с Ненецким автономным округом отличаются и самым низким числом преступлений, совершаемых под воздействием алкогольного опьянения. Небезопасными относительно преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, являются Башкирия, Свердловская и Челябинская области, наркотического — Санкт-Петербург, который лидирует по предложениям о продаже психоактивных веществ и спросу на них⁴, а также Москва и Московская область. Минимальное число таких девиаций наблюдается в Алтайской республике, на Чукотке и в Ненецком автономном округе.

Относительно зависимостей меньше всего употребляют алкоголь и курят в Северной Осетии, Чечне и Дагестане, наименее благоприятна ситуация по алкоголю в Архангельской области, на Чукотке и в Еврейской автономной области; в этих двух последних регионах и в Забайкальском крае отмечается и наибольшая доля курящих.

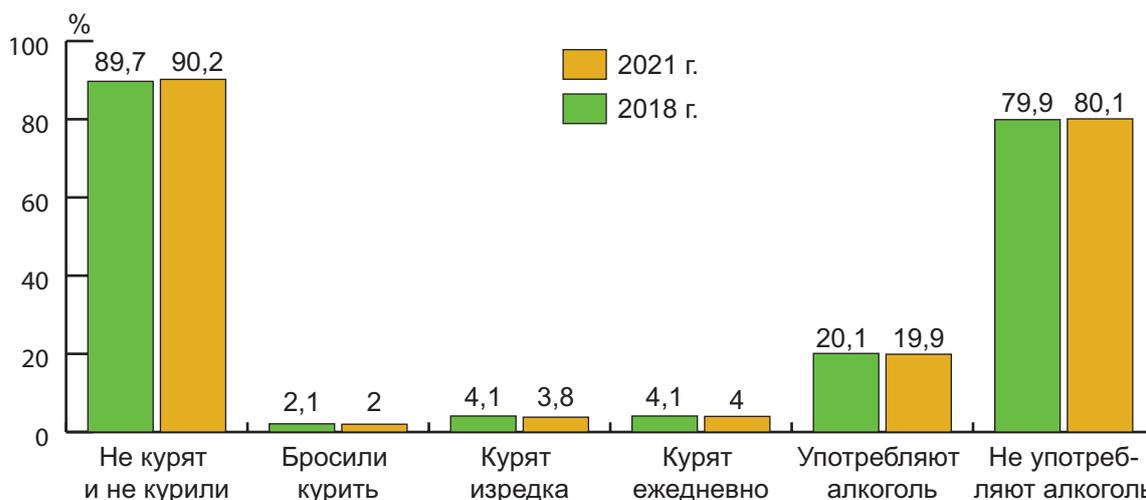
Таким образом, наиболее безопасными в контексте преступности несовершеннолетних и студентов регионами являются Чечня и Чукотка, небезопасными — Свердловская, Кемеровская и Челябинская области. Относительно экстремистских и террористических преступлений неблагоприятная картина наблюдается в Дагестане и Москве, а благополучным является Ненецкий автономный округ, который безопасен также в части преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Если говорить о преступности в целом, то более безопасная ситуация наблюдается на Северном Кавказе, тогда как Амурская область, Алтай и Бурятия вызывают опасения.

Сопоставив эти данные с показателями социально-экономического благополучия регионов России (см. приложение 3б), отметим, что более привержены здоровому образу жизни (ЗОЖ) в части курения и употребления алкоголя Чечня и Дагестан, а менее — Чукотка и Еврейская автономная область. Анализируя регионы в разрезе социально-экономических показателей, можно заметить низкий уровень качества жизни и доходов (отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг) на фоне приверженности ЗОЖ. Согласно индексу Джини, распределение доходов в этих регионах находится примерно на одном уровне.

Отметим, что, несмотря на возрастающий в обществе интерес к здоровому образу жизни и осознанному потреблению, картина распространённости традиционных форм девиантного поведения россий-

⁴ См.: «Россия под наркотиками», исследование Lenta.ru; URL: <https://darknark.lenta.ru>

ской молодёжи, таких как курение и употребление алкоголя, в динамике достаточно стабильна (см. рис. 3).

Источник: составлено авторами на основе данных rosstat.gov.ru

Рис. 3. Доля российских студентов, употребляющих алкоголь и никотин (2018 и 2021 гг.), %

За последние годы количество студентов, употребляющих алкоголь и никотин, практически не изменилось, но не снижается, хотя большинство обучающихся не страдают от вредных привычек.

Небезопасные по показателям девиантного поведения регионы с низкой приверженностью ЗОЖ (все упомянутые регионы находятся за пределами первой тридцатки рейтинга, за исключением Московской области, попавшей в топ-20 по этому показателю) часто отличаются высоким уровнем социально-экономического благополучия, особенно это относится к Москве и Санкт-Петербургу.

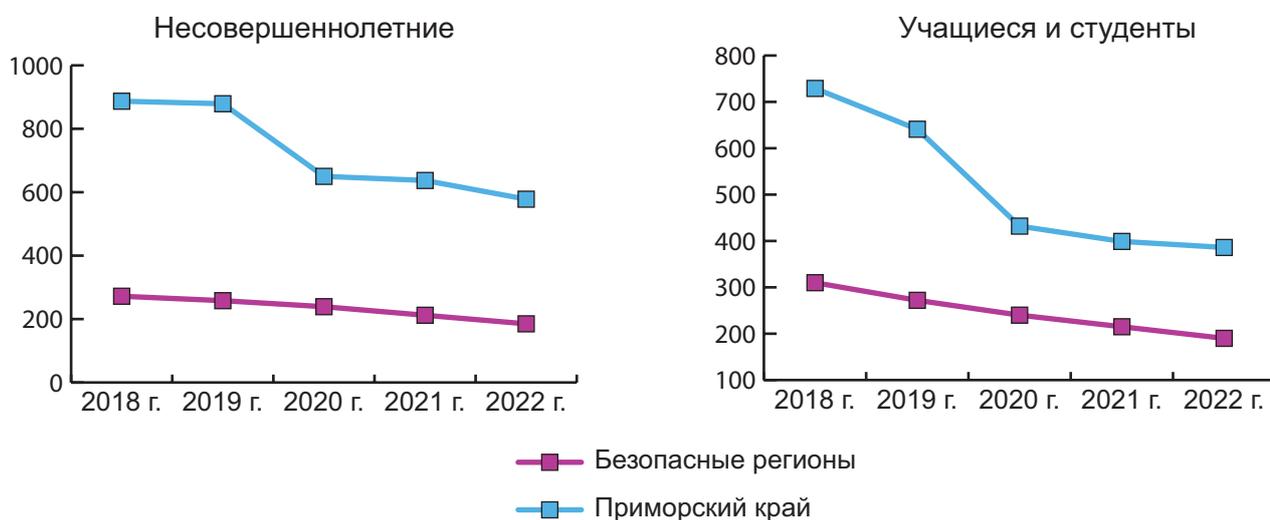
Что касается коэффициента Джини, нормальный уровень которого установлен на отметке 0,3–0,4, Россия вписывается в мировые стандарты. Относительно степени неравенства в распределении доходов в российских регионах разница в величине этого показателя незначительна. При этом Ингушетия, Калмыкия и Еврейская автономная область являются регионами с самым равномерно распределённым уровнем богатства (0,3), Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа можно рассматривать как более расслоённые (0,4).

Сравнение регионов, лидирующих по количеству преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, а также по преступности несовершеннолетних и студентов (Челябинская и Свердловская области), показывает различия по неравенству (54-е и 9-е места), доходам (34-е и 12-е места), качеству жизни (25-е и 13-е места) и приверженности ЗОЖ (67-е и 57-е места соответственно).

Неоднозначное влияние экономических показателей на вовлечённость молодёжи в девиантное поведение и необходимость учёта других факторов, сдерживающих девиации либо способствующих им, показывает кейс Приморского края. Регион, являясь неблагополучным по вовлечённости в девиации (62-е место из 85 по показателю преступности среди студентов и 74-е — по уровню преступности в целом), значительно обгоняет территории с меньшим количеством девиаций (например, республики Северного Кавказа) по уровню доходов и качеству жизни населения (24-е и 43-е места соответственно). По преступности несовершеннолетних, а также по числу совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения преступлений ситуация более благоприятна, как и относительно потре-

бления алкоголя и курения (14-е, 22-е, 20-е, 12-е и 18-е места соответственно), хотя индекс приверженности ЗОЖ невысок (52,1 при максимальном значении в выборке 90,9).

Рассматривая картину преступности молодёжи в Приморье по сравнению с регионами с меньшим числом зарегистрированных преступлений в РФ (см. рис. 4), отметим снижение за последние пять лет количества несовершеннолетних, студентов и учащихся, совершивших преступления.

Источник: составлено авторами на основе данных источника: [Портал правовой статистики 2023].

Рис. 4. Динамика количества несовершеннолетних лиц, учащихся и студентов, совершивших преступления в Приморском крае, в сравнении с безопасными регионами

При этом в обоих случаях число этих преступлений остаётся заметно выше, чем в среднем в более безопасных по преступленности регионах.

Итак, данные по преступности, вовлечённости в девиантное поведение и социально-экономическим показателям регионов показывают противоречивую картину. Высокий уровень преступности и вовлечённости населения в девиации (с учётом конкретных форм) демонстрируют как благополучные, так и неблагополучные территории. При этом такие специфические формы девиаций, как террористические и экстремистские преступления, характерны для наиболее (Москва) и наименее (Северный Кавказ) благополучных по социально-экономическому развитию регионов. Молодёжная преступность сосредоточена в уральских и сибирских регионах (Свердловская, Челябинская и Кемеровская области), преступность в целом, а также употребление алкоголя и курение — в северных и восточных. В наиболее благополучных Московской области, Москве и Санкт-Петербурге со значительным отрывом от других регионов выражен уровень преступности, связанный с употреблением наркотиков.

Результаты оценки связи переменных и эффектов на вовлечённость в девиантное поведение

По результатам корреляционного анализа наиболее распространённой формы девиаций с показателями социально-экономического развития регионов выявлена значимая отрицательная связь уровня преступности с индексами приверженности здоровому образу жизни (ЗОЖ) и качества жизни ($-0,698$, $p \leq 0,001$ и $-0,287$, $p \leq 0,01$ соответственно), что означает рост показателей преступности при ухудшении индексов благополучия населения. При этом отметим, что связь преступности и уровня доходов при его сильной прямой связи с рейтингом качества жизни ($0,600$, $p \leq 0,001$) не является значимой, что

сопоставимо с выводами, сформулированными нами при анализе литературы, о том, что экономическое неблагополучие и неравенство не всегда влекут за собой девиации.

Количество преступлений, совершённых студентами, имеет сильную положительную связь при $p \leq 0,001$ с количеством преступлений, совершённых несовершеннолетними (0,978), в состоянии алкогольного (0,963) и наркотического (0,755) опьянения, с экстремистскими преступлениями (0,511), а также с численностью населения (0,794). Менее тесные прямые связи этой переменной выявлены с уровнем преступности на 10 тыс. человек (0,303, $p \leq 0,01$), с индексом качества жизни (0,317, $p \leq 0,01$) и коэффициентом Джини (0,209, $p \leq 0,05$).

Количество преступлений несовершеннолетних положительно связано при $p \leq 0,001$ с количеством преступлений, совершённых в состоянии алкогольного (0,938) и наркотического (0,743) опьянения, количеством экстремистских преступлений (0,513) и преступлений на 10 тыс. населения (0,353), с численностью населения (0,771), а также с индексом качества жизни (0,270, $p \leq 0,01$).

Отметим, что для таких видов девиантного поведения, как курение или употребление алкоголя (доля курильщиков и потребление крепкого алкоголя на душу населения), значимых связей с количеством преступлений, совершённых студентами и несовершеннолетними, не выявлено.

Отметим связь количества преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, которые также коррелирует между собой (0,762, $p \leq 0,001$), с количеством экстремистских преступлений (0,521 и 0,562 при $p \leq 0,001$ соответственно), численностью населения (0,793 и 0,737 при $p \leq 0,001$ соответственно), а также с индексом качества жизни (0,310 при $p \leq 0,01$ и 0,419 при $p \leq 0,001$ соответственно), коэффициентом Джини (0,207 и 0,236 при $p \leq 0,05$ соответственно) и отношением медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг (0,251 и 0,207, при $p \leq 0,05$ соответственно).

Количество террористических и экстремистских преступлений, связанных между собой (0,603, $p \leq 0,001$), положительно коррелирует с численностью населения (0,525 и 0,608 при $p \leq 0,001$ соответственно), с индексом приверженности ЗОЖ (0,288, $p \leq 0,01$ и 0,225, $p \leq 0,05$ соответственно) и отрицательно — с долей курильщиков ($-0,431$, $p \leq 0,001$ и $-0,326$, $p \leq 0,01$ соответственно), а также с потреблением крепкого алкоголя на душу населения ($-0,267$, $p \leq 0,01$) и уровнем преступности на 10 тыс. чел. ($-0,359$, $p \leq 0,001$) в случае террористических, с индексом качества жизни (0,337, $p \leq 0,01$) — экстремистских преступлений. Количество террористических преступлений коррелирует с потреблением крепкого алкоголя на душу населения ($-0,267$, $p \leq 0,01$) и уровнем преступности на 10 тыс. чел. ($-0,359$, $p \leq 0,001$). Количество экстремистских преступлений коррелирует с индексом качества жизни (0,337, $p \leq 0,01$).

Отметим, что коэффициент Джини положительно связан с уровнем доходов, качеством жизни и численностью населения (0,683, 0,384 и 0,302, $p \leq 0,001$), что может говорить о росте экономического неравенства в регионе с увеличением населения, его доходов и с улучшением качества жизни. Также стоит отметить отрицательную связь уровня доходов и индекса приверженности ЗОЖ ($-0,297$, $p \leq 0,01$), согласно которой их рост может и не способствовать здоровому образу жизни.

В целом формы девиантного поведения часто связаны между собой, что ярко проявляется в случае преступности. Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними и студентами, может быть обусловлено численностью населения и качеством жизни. Мы можем видеть, что с увеличением населения и доходов в регионах, с улучшением качества жизни усиливается экономическое неравенство. При этом, несмотря на то что при ухудшении показателей благополучия населения наблюдается рост показателей преступности, экономические факторы не всегда влекут за собой девиации.

Для оценки факторной структуры данных проведён эксплораторный факторный анализ (*exploratory factor analysis* — EFA), позволивший выявить факторную модель связи переменных (см. табл. 1). Тест Бартлетта (0,000) и КМО-тест (0,726) подтвердили возможность проведения факторного анализа.

Таблица 1

Результаты факторного анализа (EFA)

Переменные	Фактор 1 (численность — преступность)	Фактор 2 (ЗОЖ — преступность)	Фактор 3 (социально-экономическое благополучие)	Фактор 4 (численность — экстремизм)
Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)	0,598	- 0,197	0,468	0,532
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	- 0,123	0,261	0,903	0,032
Рейтинговый балл качества жизни	0,319	- 0,188	0,670	0,088
Коэффициент Джини, как уровень концентрации доходов	0,063	0,037	0,691	0,066
Рейтинговый балл ЗОЖ	- 0,014	- 0,808	- 0,088	0,170
Количество преступлений на 10 тыс. человек	0,189	0,847	- 0,162	- 0,150
Количество преступлений, совершённых студентами	0,979	0,109	0,097	0,070
Количество преступлений несовершеннолетних	0,928	0,157	0,020	0,045
Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	0,042	0,704	0,037	- 0,041
Доля курильщиков (%)	0,023	0,894	0,085	- 0,207
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,946	0,092	0,086	0,051
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,460	- 0,077	0,467	0,333
Количество преступлений террористического характера	- 0,071	- 0,391	0,042	0,605
Количество преступлений экстремистского характера	0,242	- 0,171	0,148	0,949

Источник: составлено авторами.

По высоким факторным нагрузкам в первый фактор вошли численность населения (0,60), количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения (0,95), количество преступлений, совершённых студентами (0,98) и несовершеннолетними (0,93); во второй — потребление крепкого алкоголя (0,70) и доля курильщиков (0,89), индекс приверженности ЗОЖ (- 0,81) и количество преступлений на 10 тыс. человек (0,85); в третий — отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг (0,90), индексы качества жизни (0,67) и неравенства (0,69); в четвёртый — численность населения (0,53), террористические (0,61) и экстремистские (0,95) преступления.

С учётом результатов корреляционного и факторного анализа проведена оценка факторной структуры при помощи метода моделирования структурными уравнениями. В уравнения включены отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, индексы качества жизни и Джини (модель 1); в модели 2 к указанным переменным добавлена численность населения; в модели 3 — численность населения и индекс приверженности ЗОЖ (см. приложение 4). Наиболее согласованной оказалась модель 1, содержащая показатели уровня доходов, качества жизни и неравенства как переменные социально-экономического благополучия регионов.

Для оценки эффектов социально-экономических факторов на количество преступлений (распространённая форма девиантного поведения) проведён регрессионный анализ при помощи методов множественной линейной регрессии (см. приложение 5) и «случайный лес» (Random Forest Regression) (см. табл. 2).

Множественная линейная регрессия показала наибольшее число значимых эффектов на количество преступлений несовершеннолетних (их рост при повышении индекса Джини (особенно ярко), отношения медианных доходов и стоимости товаров и услуг, индекса качества жизни, приверженности ЗОЖ). При этом фактор численности населения не дал значимых эффектов в этой регрессии, играя роль для количества преступлений студентов, а также числа преступлений в целом (отрицательный эффект).

Значимые эффекты численности населения и индекса качества жизни мы видим относительно преступлений студентов, а также преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Относительно террористических и экстремистских преступлений сильные значимые эффекты имеет численность населения (особенно на экстремизм, на который влияет и качество жизни); значимый, но не сильный эффект — индекс приверженности ЗОЖ, имеющий сильный значимый отрицательный эффект на употребление алкоголя и курение, отказ от которых является составляющим здорового образа жизни. Для курения мы также видим влияние численности населения и уровня доходов (отрицательный и положительный эффекты соответственно).

По результатам анализа параметров моделей регрессии «случайный лес» наилучшая модель с наименьшими величинами ошибок получена для террористических преступлений. Достаточно высокие коэффициенты детерминации с относительно невысокими величинами ошибок также можно видеть для преступности несовершеннолетних и студентов, а также для преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Метод «случайный лес» подтвердил эффекты численности населения для преступности учащихся и студенчества, экстремизма и преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения; приверженности ЗОЖ — для преступности несовершеннолетних, террористических преступлений и употребления алкоголя; качества жизни — для преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения, и экстремизма.

Таблица 2

Параметры моделей регрессии «случайный лес»

Модели, значения коэффициента детерминации и метрики ошибок				Веса факторов социально-экономического благополучия региона				
R2	MAE	MSE	RMSE	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности ЗОЖ
1. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений в целом				0,196	0,107	0,071	0,078	0,548
0,146	0,118	0,019	0,149					
2. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений учащихся и студентов				0,031	0,009	0,019	0,771	0,168
0,633	0,078	0,012	0,110					
3. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений несовершеннолетних				0,124	0,053	0,083	0,498	0,242
0,780	0,067	0,008	0,087					
4. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения				0,154	0,154	0,057	0,511	0,216
0,638	0,110	0,026	0,162					
5. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения				0,222	0,106	0,073	0,484	0,114
0,515	0,063	0,020	0,142					
6. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)				0,229	0,180	0,119	0,113	0,359
0,109	0,130	0,035	0,186					
7. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ доля курильщиков (%)				0,152	0,144	0,151	0,417	0,134
0,410	0,095	0,016	0,125					
8. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений террористического характера				0,171	0,030	0,029	0,148	0,620
0,740	0,029	0,002	0,046					
9. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений экстремистского характера				0,152	0,145	0,151	0,417	0,135
0,237	0,089	0,032	0,179					

Источник: составлено авторами.

Примечание: R2 — коэффициент детерминации; MAE и MSE — средняя абсолютная и средняя квадратичная ошибки; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

Также в моделях наблюдаются дополнительные эффекты переменных, не обнаруженные ранее в регрессионном анализе (приверженность ЗОЖ для преступлений в целом, потребления алкоголя и преступлений в состоянии алкогольного опьянения, а также для преступности студентов; качество жизни — для преступности в целом и террористических преступлений; индекс Джини и доход — для экстремистских преступлений).

Отметим, что при применении обоих методов регрессионного анализа полностью совпали эффекты для преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения (влияние численности населения и индекса качества жизни), а также слабо проявилась роль индекса Джини и отношения медианных доходов и стоимости товаров и услуг (за исключением преступлений экстремистского характера), то есть неравенство и уровень доходов не всегда являются непосредственными факторами вовлечённости в девиантное поведение, включая преступность.

В целом среди значимых факторов можно выделить численность населения (см. табл. 2, модели 2, 3, 4, 5, 7, 9), приверженность ЗОЖ (см. табл. 2, модели 1, 2, 3, 4, 6, 8) и качество жизни (см. табл. 2, модели 1, 5, 6, 8, 9), что соответствует результатам множественной линейной регрессии. Относительно уровня доходов и неравенства их эффект выявлен для преступности несовершеннолетних (модель линейной регрессии) и преступлений экстремистского характера (модель «случайный лес»). При этом с учётом величины ошибок более достоверно доказывает эффекты модель «случайный лес».

Обсуждение результатов

В результате частотного анализа литературы выявлено, что к распространённым формам девиаций, в которые вовлечена молодёжь в связи с социально-экономическими факторами, относится преступность, а к ключевым факторам — бедность. Относительно традиционных форм девиантного поведения по статистическим данным доля употребляющих алкоголь и курящих среди российской молодёжи в динамике остаётся практически неизменной, несмотря на то что миллениалы практикуют ЗОЖ, зумеры меньше употребляют алкоголь и никотин, о чём свидетельствуют результаты поколенческих исследований.

Анализ официальных показателей преступности России и федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам за последние пять лет характеризует молодёжь с позитивной стороны, демонстрируя снижение доли девиаций и преступлений несовершеннолетних лиц, учащихся и студентов, что не исключает их вовлечённости в новые формы девиантного поведения (например, негативное поведение в виртуальной среде и др.), а также девиации других групп молодёжи (например, юношей и девушек, не поступивших в образовательные учреждения).

В качестве ключевых факторов вовлечённости молодёжи в девиации чаще всего исследователями рассматриваются бедность и неблагоприятная экономическая обстановка в целом при упущении сдерживающих либо способствующих им социальных факторов. Например, влияние негативных предикторов может нивелироваться сильной властью и институтом семьи, культурными особенностями региона, включая религиозную принадлежность, национальную специфику и др.

По результатам анализа показателей преступности и социально-экономического благополучия регионов мы увидели, что высокий уровень преступности, потребления алкоголя и никотина могут быть как в благополучных, так и в неблагополучных регионах. Значительный уровень молодёжной преступности отмечается как на сильных (Свердловская область), так и на слабых (Челябинская и Кемеровская области) в экономическом плане территориях.

Для республик Северного Кавказа с невысоким уровнем жизни характерен низкий уровень преступности, курения и употребления алкоголя на фоне высокой приверженности ЗОЖ. При относительно

безопасной ситуации с преступностью в целом в Дагестане мы наблюдаем здесь один из самых высоких уровней террористических и экстремистских преступлений.

Для Приморского края, опережающего вышеупомянутые данные регионы по показателям социально-экономического благополучия и имеющего достаточно высокий уровень жизни, характерен высокий уровень преступности в целом и преступлений студентов при невысоком индексе приверженности ЗОЖ и более благоприятной статистике относительно преступности несовершеннолетних, употребления алкоголя и никотина, преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Это подтверждает необходимость учёта не только экономических, но и социальных факторов, а также конкретных форм девиантного поведения и социальной активности.

Преступность и девиантное поведение не всегда имеют устойчивые связи с экономическими факторами, что подтверждается корреляционным анализом, показывающим, что (согласно результатам) формы девиаций могут быть сильнее связаны между собой, чем с экономическими показателями, слабыми эффектами уровня доходов и неравенства в некоторых регрессионных моделях, корреляцией молодёжной преступности с численностью населения и качеством жизни. Хотя рост показателей преступности наблюдается при ухудшении показателей благополучия населения, экономические факторы не всегда влекут за собой девиации.

Противоречивую связь девиантного поведения и экономических факторов можно объяснить тем, что в обеспечение благополучия человека факторы внешней среды (в том числе экономические условия) вносят около 10–15% вклада, тогда как внутренние (личностные) и выбор человека, его решения, цели, отношения с другими — по 40–45% («модель пирога») [Sheldon, Lyubomirsky 2019]. Вероятно, эффекты негативных экономических факторов компенсируются включённостью в социальные институты, в особенности традиционные (например, семья и религия), личностным развитием и выбором.

Наиболее ярко о роли выбора для вовлечённости в девиантное поведение может свидетельствовать уровень преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, достигающий самых больших значений в наиболее благополучных по качеству жизни городах — в Москве и Санкт-Петербурге. В эту же объяснительную модель попадает выявленная связь роста благосостояния и снижения приверженности ЗОЖ при улучшении качества жизни.

Полученные результаты исследования, выявленные эффекты и факторная структура данных подтверждают гипотезу о связи вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона с поправкой на формы девиантного поведения, возрастную и региональную специфику, важность которых подтверждают результаты актуальных исследований [Zasimova et al. 2023]. К значимым факторам девиаций можно отнести численность населения, приверженность здоровому образу жизни и качество жизни. Для преступности несовершеннолетних и преступлений экстремистского характера важными также могут быть уровни доходов и неравенства. При наличии определённой связи социально-экономических факторов с преступностью и девиантным поведением, которая может опосредоваться, усиливаясь или смягчаясь, другими факторами, необходимо учитывать и дополнительные параметры, в том числе психологические, социальные и личностные переменные, комплексно анализировать их эффекты на вовлечённость в девиации и мультиколлинеарность.

В перспективе с учётом проблем прогностической диагностики девиаций и социально опасного поведения молодёжи планируется дополнить данные применением качественной методологии, провести фокусированные и глубинные интервью для выявления интерпретаций опыта и мотивации вовлечённой в девиации молодёжи в контексте совмещения с повседневностью и социальной жизнью, что позволит найти ценности, правила и паттерны девиантного поведения, учесть субъектность и использование нормализующего

дискурса, избегая стигматизации. В анализ будут включены и представители уязвимой NEET-молодёжи («Not in Employment, Education or Training» — «Не в сфере трудоустройства, образования или обучения»), которая не учится, не работает и не развивает влияющие на карьеру и внедряемость в социальные институты навыки (например, стрессоустойчивость, коммуникабельность и организованность).

Выводы

Анализ показал, что одной из важных форм отклонений, возникающих на фоне увеличения личностных и поведенческих нарушений и насилия, является преступность. В России уровень преступности связан с участием людей в других формах девиантного поведения, таких как употребление алкоголя и наркотиков. Эти факторы могут приводить к совершению преступлений и проявляться особенно сильно в регионах с высоким уровнем экономического благосостояния.

Несмотря на то что важными экономическими факторами возникновения девиаций часто выступают бедность, безработица и рост показателей преступности при ухудшении индексов благополучия населения, их негативное воздействие может смягчаться социальными факторами, что особенно заметно в регионах с высокой включённостью в традиционные социальные институты (например, семья и религия). Обнаружена региональная специфика вовлечённости в девиантное поведение в связи с социально-экономическими факторами. Так, в относительно благополучных регионах сильно выражена молодёжная преступность, в регионах с наиболее высокими показателями качества жизни — высокий уровень преступлений, связанных с употреблением наркотиков. В регионах с невысокими показателями социально-экономического благополучия распространены экстремистские и террористические преступления при высоком уровне приверженности ЗОЖ и низком уровне выраженности вовлечённости в такие традиционные девиации, как курение или употребление алкоголя.

В нашем исследовании достоверно подтверждены эффекты численности населения, качества жизни и приверженности ЗОЖ на вовлечённость молодёжи в девиантное поведение. Экономическое неравенство и уровень доходов являются в целом менее значимыми, но тем не менее важными факторами для преступлений несовершеннолетних и экстремизма.

Отметим, что региональные различия относительно степени вовлечённости молодёжи в девиантное поведение и приверженности ЗОЖ и влияющих на это факторов должны учитываться при планировании и корректировке государственной политики. Хотя профилактическая работа в России и зарубежных странах основывается на схожих принципах и использовании широкого спектра методов и форм работы, нацеленных на диагностику и устранение факторов риска (раннее выявление и контроль факторов, повышающих вероятность поведенческих девиаций), развитие внутренних личностных ресурсов и их активизацию, создание развивающей и поддерживающей среды, волонтерские организации, достаточно эффективные в сфере активного обучения молодёжи социально важным навыкам, адаптивными стратегиям с изменением дезадаптивных форм поведения, технологиям и методам ведения ЗОЖ, а также вовлечение в альтернативные формы социальной активности при условии помощи в осознании собственного поведения и минимизации негативных последствий девиаций, пока менее развиты в нашей стране.

В целом молодёжь демонстрирует тенденцию к позитивному образу жизни, что не исключает психологических проблем и вовлечённости в новые и ещё малоизученные, специфические формы девиаций, требует учёта возрастной, гендерной, поколенческой и региональной специфики. Обеспечение безопасности и благополучия уязвимых групп молодёжи может выступать факторами профилактики девиаций при помощи активации психологических ресурсов личности и связей с сообществом, направленных на включённость в социальные институты, вовлечённость в конструктивные виды активности, создание и поддержание чувства защищённости в условиях развития.

Приложения

Приложение 1. Словарь переменных

Показатель	Источник данных*
Девиантное поведение	
Количество преступлений на 10 тыс. чел.	riarating.ru (2022 г.)
Количество преступлений, совершённых студентами	crimestat.ru (2022 г.)
Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними	
Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	rosstat.gov.ru (2021 г.)
Доля курильщиков (%)	
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	crimestat.ru (2022 г.)
Количество преступлений террористического характера	
Количество преступлений экстремистского характера	
Социально-экономическое благополучие региона	
Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов	rosstat.gov.ru (2023 г.)
Рейтинговый балл качества жизни	
Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни (ЗОЖ)	riarating.ru (2022 г.)
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	
Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)	

Источник: составлено авторами.

Примечание: * В столбце «Источник» в скобках указан год, за который брались данные.

Приложение 2. Кодовая книга⁵

Forms of deviations:	Формы девиации:
Depression;	депрессия;
Crime;	преступность;
Alcoholism;	алкоголизм;
Drugs;	наркотики;
Prostitution;	проституция;
Vandalism;	вандализм;
Bullying;	издевательства;
Suicide;	самоубийства;
Animal abuse;	жестокое обращение с животными;
Addiction;	наркомания;
Profanity.	сквернословие.
Socio-economic factors of youth involvement in violence and deviations:	Социально-экономические факторы вовлечения молодёжи в насилие и девиации:
Broken home;	неполная семья;
Social inequality;	социальное неравенство;
Youth underemployment;	неполная занятость молодёжи;
Low level of financial literacy;	низкий уровень финансовой грамотности;
Uncivilized market;	нецивилизованный рынок;
Unstable economy;	нестабильная экономика;
Underdeveloped economical institutions;	неразвитые экономические институты;
Nepotism;	непотизм;
Lack of career prospects;	отсутствие карьерных перспектив;
Bribery;	взяточничество;
Cash cropping;	денежное выращивание;
Economic crisis;	экономический кризис;
Unemployment;	безработица;
Hunger;	голод;
Epidemic;	эпидемия;
Oligarchization and criminalization of the economy, unpunishment of economic crimes;	олигархизация и криминализация экономики, безнаказанность экономических преступлений;
Features of economic development of society;	особенности экономического развития общества;
Low family income;	низкий доход семьи;
Corruption;	коррупция;
Poverty.	бедность.

⁵ Составлено авторами. Переведено с английского с помощью DeepL.com (бесплатная версия).

Приложение 3. Рейтинг регионов Российской Федерации

Приложение 3а. Рейтинга регионов РФ по показателям преступности и вовлечённости в девиации

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Чечня	12,5	419	148	0	0,102	81	3,12	41,67	1,69
Ингушетия	32,9	455	960	0,7	0,057	64	19,8	9,3	5,37
Дагестан	36,6	3278	6250	0,2	0,104	387	18,55	79,33	25,8
Рязанская область	64,6	3825	3146	1,8	0,216	915	15,57	1,89	2,07
Кабардино-Балкария	67,9	2891	2584	1,5	0,173	310	26,38	20,61	5,07
Белгородская область	71,8	5830	4285	3,4	0,214	1110	30,35	0,76	0,61
Адыгея	72,2	2344	2077	2,4	0,232	313	7,08	1,93	2,85
Московская область	72,9	24 934	21 758	5,5	0,247	4419	473,12	7,11	10,67
Карачаево-Черкесия	75,1	1929	2163	1,1	0,192	327	36,52	2,67	6,83
Ульяновская область	77,4	9486	7041	3,4	0,224	1322	43,5	0,41	2,25
Калмыкия	79,7	1578	1520	1,8	0,217	345	7,77	2,61	1,3
Чувашия	80,4	8684	6779	3,6	0,205	1220	43,63	1,5	2,13
Мордовия	80,8	5088	3198	2,7	0,219	884	35,75	3,15	2,56
Пензенская область	81	7451	4792	4,6	0,24	1603	17,47	2,2	3,19
Тульская область	83,1	7858	5985	2	0,221	1141	22,07	1,11	4,24
Москва	83,3	24 713	13 175	3,3	0,211	3329	345,7	27,52	31,85
Крым	85,3	11 057	9700	1,5	0,22	2938	46,3	7,9	9,2
Санкт-Петербург	86	16445	11 078	3,9	0,216	1453	381,22	8,98	8,2
Оренбургская область	87,1	14 240	12 526	3,7	0,237	2726	43,53	0,5	4,2
Орловская область	88,3	4243	3209	3,1	0,231	611	12,77	1,54	3,33
Марий Эл	88,6	5362	4300	4,1	0,238	785	10,37	0,2	0,7
ЯНАО	89,2	2930	2449	3	0,271	816	25,23	2,35	0,39
Северная Осетия	89,3	1362	1363	0,6	0,125	285	33,75	1,83	4,44
ХМАО	90,1	7565	6393	1,3	0,271	1709	91,57	4,7	3
Брянская область	90,6	6917	5411	5,6	0,22	1443	11,77	0,41	4,85
Липецкая область	90,7	7698	6062	2,7	0,289	1077	13,52	0,22	0,2
Владимирская область	91,1	9458	8799	2,6	0,239	1511	14,1	2,43	3,85
Ставропольский край	91,1	16 030	17 971	3,7	0,256	1488	34,43	8,28	3,89
Свердловская область	92,1	47 470	45 628	3,2	0,258	5884	84,17	4,33	5,26
Севастополь	92,1	1910	1786	0,6	0,221	385	15,43	4,33	2,35

Приложение 3а.Продолжение

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Омская область	92,7	12 869	8457	2,7	0,236	2150	34,89	2,19	4,7
Калининградская область	93,4	6073	6720	4,2	0,254	963	20,57	3,81	2,15
Ивановская область	93,7	7150	6048	5,3	0,244	1071	9,75	1,22	2,26
Саратовская область	95,7	12 616	10 950	2,7	0,248	2557	53,3	2,39	8,76
Курская область	95,9	7402	5356	2,4	0,245	1209	25,98	0,78	3,74
Нижегородская область	96	19 276	15 658	4,2	0,205	3264	51,35	2,65	4,3
Башкирия	962	26 060	22 961	4	0,231	5886	140,23	5,54	6,26
Якутия	97,3	11135	9358	3,6	0,344	1995	14,53	1,69	1,07
Костромская область	101,1	5534	4085	5	0,262	871	14,88	0,2	1,81
Астраханская область	101,9	8109	8521	6,5	0,212	1205	43,2	3,39	4,13
Татарстан	102,1	24 336	19 360	2,6	0,181	3853	183,1	8,69	5,69
Воронежская область	102,7	15 345	12 438	2,3	0,238	2135	78,18	3,44	3,37
Краснодарский край	104,6	22 382	21 565	5	0,239	3186	58,4	3,67	6,7
Ростовская область	104,8	21 382	20 894	4,6	0,239	2780	64,67	5,98	7,56
Ярославская область	105,1	8508	7284	5,6	0,257	1193	87,95	1,61	3,83
Псковская область	107,4	5175	4794	4,5	0,297	829	10,13	0,72	1,33
Тамбовская область	109,3	6936	4643	2,2	0,244	1287	27,32	0,5	1,78
Калужская область	112,2	6996	7352	1,4	0,201	1054	17,2	1,96	1,59
Кировская область	112,4	11 317	10 199	4,4	0,256	2193	23,25	1,81	6,2
Ленинградская область	112,4	9136	9049	4,7	0,295	1440	40,83	0,91	0,67
Волгоградская область	113,2	20 919	17 368	3,5	0,233	3179	50,57	2,5	7,43
НАО	114,3	782	662	3,6	0,3	106	0,33	0	0,07
Вологодская область	115,4	12 752	11 219	6	0,255	1835	50,1	1,26	2,07
Самарская область	117,6	17 991	14 632	4,2	0,227	2712	88,59	6,33	4,28
Архангельская область	119	13335	11 897	10,7	0,295	1836	16,71	1,96	4,04
Тюменская область	119	14 175	12 833	2,4	0,256	2439	128,43	2,78	1,63
Красноярский край	120,7	30 202	26 883	3,4	0,265	4408	63,68	12,43	7,46
Иркутская область	120,8	30 673	33 013	5,6	0,301	4556	54,15	0,93	1,44
Смоленская область	121,8	8787	6653	4,8	0,298	1237	16,18	0,33	3,65
Мурманская область	122,2	7197	6249	8,3	0,331	852	11,13	3,37	2,67
Пермский край	122,5	31 113	25 341	5,3	0,289	4044	61,7	3,37	6,76
Хабаровский край	125,1	14 555	16 203	10	0,34	1948	79,2	7,65	5,65
Новосибирская область	125,2	22 846	24 419	6	0,267	2773	104,43	2,69	5,39

Приложение 3а. Окончание

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Удмуртия	125,6	17 474	14 842	4,2	0,275	2910	108,033	1,67	3,7
Чукотский край	129,7	564	420	15,8	0,39	140	0,58	0,07	0,17
Курганская область	130,5	11 220	9779	3,2	0,232	1710	28,45	1,74	3,56
Тверская область	130,5	11 123	9265	6,5	0,247	1476	29,65	4,37	4,11
Алтайский край	130,8	26 560	24 657	6	0,282	4837	34,88	0,83	3,22
Магаданская область	131,7	2118	1818	5,9	0,275	290	10,08	1,26	1,85
Камчатский край	132,9	4305	3825	6	0,335	565	11,85	0,44	2,57
Томская область	133,2	12 727	9743	4,4	0,233	1569	15,54	0,81	4,34
Сахалинская область	133,9	5780	5874	7,5	0,341	940	26,02	4,33	2,43
Новгородская область	135,9	6842	6676	8,8	0,314	872	9,78	0,44	0,57
Приморский край	137,4	14 771	20 119	6,1	0,285	2558	62,83	3,63	5,89
Коми	137,4	11 674	9432	4,7	0,289	1980	16,67	0,61	5,17
Кемеровская область	138	36 122	35 136	5,6	0,255	5486	54,58	1,87	8,57
Хакасия	138	6057	5156	6,2	0,357	1286	46,87	1,17	2,72
Челябинская область	141,2	41 387	40 319	6,6	0,266	5544	114,27	2,61	4,46
Карелия	150,1	7810	8397	5,3	0,293	1093	24,43	1,5	2,89
Тыва	153,1	8909	8905	1,2	0,255	1158	6,37	0,2	0,67
Забайкальский край	155,3	16 984	20 769	6	0,363	2958	73,72	0,87	2,54
ЕАО	155,8	2090	2449	11,5	0,373	272	2,22	0	2,15
Бурятия	156	18 277	15 748	4,6	0,305	2485	90,95	0	1,17
Республика Алтай	161,6	4060	3059	5,2	0,315	729	1,77	0,15	0,24
Амурская область	161,8	10 481	11 426	5,9	0,33	1621	51,68	1,44	5,31

Источник: составлено авторами на основе данных: [РИА Рейтинг 2022с; Портал правовой статистики 2023; Росстат 2023б].

Примечание: ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ; ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ, НАО — Ненецкий автономный округ; ЕАО — Еврейская автономная область.

Приложение 3в. Рейтинга регионов РФ по показателям социально-экономического благополучия

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Чечня	35,82	1,22	1516,4	89,9	0,372
Ингушетия	29,741	1,02	524,1	79,3	0,311
Дагестан	39,348	1,43	3153,9	90,9	0,370
Рязанская область	54,686	1,38	1085,2	76,1	0,349
Кабардино-Балкария	34,914	1,18	870,5	82	0,355
Белгородская область	64,149	1,73	1531,9	71,1	0,368
Адыгея	54,395	1,5	468,3	80,7	0,404
Московская область	75,858	1,97	7768,9	71,1	0,372
Карачаево-Черкесия	25,542	1,02	464,2	75,6	0,318
Ульяновская область	49,791	1,27	1204	72	0,342
Калмыкия	32,504	1,03	267,8	71,9	0,312
Чувашия	49,879	1,21	1198,4	74,8	0,336
Мордовия	45,602	1,17	770,7	73,7	0,346
Пензенская область	48,951	1,3	1274,1	79,3	0,343
Тульская область	55,706	1,45	1432,6	75	0,343
Москва	81,352	2,39	12635,5	69,7	0,412
Крым	47,154	1,18	1896,4	58,5	0,322
Санкт-Петербург	80,241	2,01	5377,5	66	0,402
Оренбургская область	48,591	1,36	1924,6	67,9	0,347
Орловская область	50,542	1,48	714,1	71,8	0,357
Марий Эл	42,926	1,15	671,5	68,7	0,335
ЯНАО	58,483	3,13	552,1	53,6	0,440
Северная Осетия	33,929	1,32	688,1	77,8	0,345
ХМАО	62,002	2,11	1702,2	62,4	0,381
Брянская область	49,343	1,45	1168,8	66,2	0,360
Липецкая область	57,466	1,72	1113,7	68,7	0,367
Владимирская область	50,967	1,31	1323,7	72,1	0,325
Ставропольский край	53,461	1,16	2780,2	76,8	0,335
Свердловская область	59,037	1,75	4264,3	61	0,395
Севастополь	54,367	1,5	522,1	55,2	0,330
Омская область	41,175	1,44	1879,5	67,7	0,366
Калининградская область	59,823	1,37	1027,7	60,6	0,323
Ивановская область	47,754	1,33	976,9	68,5	0,334
Саратовская область	47,582	1,35	2361	74	0,359

Приложение 3в. Продолжение

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Курская область	56,092	1,59	1083,6	71,2	0,355
Нижегородская область	59,917	1,59	3144,3	71,4	0,384
Башкирия	53,654	1,48	4001,7	70,6	0,375
Якутия	39,23	1,65	992,1	58,3	0,403
Костромская область	43,555	1,35	620,8	63,4	0,320
Астраханская область	42,204	1,36	989,4	66,7	0,335
Татарстан	69,361	1,88	3886,4	73,7	0,379
Воронежская область	59,327	1,58	2287,7	67,3	0,385
Краснодарский край	67,327	1,61	5687,4	79,6	0,408
Ростовская область	58,863	1,48	4153,8	73,5	0,386
Ярославская область	51,742	1,48	1227,4	64,2	0,350
Псковская область	44,647	1,34	613,4	69,7	0,344
Тамбовская область	49,148	1,52	981	78,7	0,352
Калужская область	57,436	1,55	1012,8	64,9	0,328
Кировская область	41,799	1,31	1234,8	60,9	0,322
Ленинградская область	62,698	1,56	1911,6	60,8	0,345
Волгоградская область	48,229	1,35	2449,8	73,8	0,342
Ненецкий автономный округ	37,191	2,88	44,5	48,8	0,440
Вологодская область	44,086	1,39	1139,5	57,8	0,338
Самарская область	60,706	1,46	3131,7	68,3	0,365
Архангельская область	37,428	1,52	1069,8	55,6	0,355
Тюменская область	57,739	1,52	1552,1	61,5	0,425
Красноярский край	48,063	1,49	2849,2	62,5	0,378
Иркутская область	43,445	1,39	2357,1	56,8	0,351
Смоленская область	47,43	1,37	909,9	70,9	0,365
Мурманская область	49,113	1,94	724,5	54,6	0,323
Пермский край	47,069	1,45	2556,9	59,2	0,367
Хабаровский край	51,777	1,65	1299	64,9	0,351
Новосибирская область	54,379	1,53	2780,3	63,8	0,368
Удмуртия	48,591	1,38	1484,5	60,4	0,325
Чукотский край	42,933	2,38	50	53,1	0,409
Курганская область	33,109	1,14	805,5	57,3	0,337
Тверская область	46,046	1,42	1230,2	68,7	0,329
Алтайский край	40,836	1,22	2268,2	68,5	0,353
Магаданская область	44,517	2,27	137,8	43,1	0,396
Камчатский край	50,169	1,65	312,7	40,7	0,362

Приложение 3в. Окончание

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Томская область	46,321	1,42	1068,3	65,2	0,340
Сахалинская область	52,643	2,23	484,2	52,8	0,393
Новгородская область	45,509	1,4	586,1	66,9	0,340
Приморский край	48,078	1,55	1863	52,1	0,360
Коми	41,25	1,56	803,5	55,2	0,353
Кемеровская область	42,729	1,41	2604,3	56,1	0,341
Хакасия	41,395	1,22	528,3	51,7	0,319
Челябинская область	53,801	1,48	3418,6	57,1	0,338
Карелия	39,15	1,47	603,1	61,5	0,322
Тыва	19,105	0,95	332,6	64,8	0,353
Забайкальский край	30,07	1,33	1043,5	47,5	0,344
Еврейская автономная область	28,94	1,19	153,8	41,5	0,307
Бурятия	33,024	1,28	982,6	51,7	0,354
Республика Алтай	30,547	1	221,6	66,4	0,339
Амурская область	39,65	1,52	772,5	50,2	0,384

Источник: составлено авторами на основе данных: [РИА Новости 2023а; 2023б; РИА Рейтинг 2022а; 2022б].

Примечание: ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ; ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ.

Приложение 4. Результаты моделирования структурными уравнениями

Значения Переменные					Критерии согласия*			
	std. err	z-value	p-value	CFI	GFI	TLI	RMSE	
Модель 1, уравнения:								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,926	0,928	- 1,06	0,753
Количество преступлений, совершённых студентами	- 442,4	0,200	- 2211,4	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	3731,5	0,237	15732,6	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	3025,3	0,108	27915,7	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 11925,2	0,164	- 72692,8	0,000				
Количество преступлений террористического характера	1921,4	1,340	1433,5	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	337,3	3,637	92,7	0,000				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 117,8	4,271	- 27,6	0,000				
Доля курильщиков	0,780	0,170	4,585	0,000				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	602,4	0,479	1257,6	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	915,7	0,584	1567,8	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 2035,7	0,268	- 7598,7	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	2901,2	0,387	7488,2	0,000				
Количество преступлений террористического характера	- 658	2,554	- 257,7	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	- 138,4	5,161	- 26,8	0,000				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	42,4	4,458	9,508	0,000				
Доля курильщиков	0,932	0,169	5,524	0,000				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 3393,7	0,112	- 30 170,7	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	5656,8	0,134	42 108,6	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 4270,5	0,063	- 67 630,2	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 8452,6	0,320	-26 375,6	0,000				
Количество преступлений террористического характера	531,2	4,909	108,2	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	- 7,008	16,043	- 0,437	0,662				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 24	11,880	- 2,016	0,044				
Доля курильщиков	0,952	0,127	7,492	0,000				
Модель 2, уравнения: <i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя + Доля курильщиков <i>Рейтинговый балл качества жизни</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков <i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков <i>Численность населения</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Террористические и экстремистские преступления + Потребление алкоголя + Доля курильщиков <i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,973	0,989	1,08	Nan
Количество преступлений, совершённых студентами	5480,4	0,324	16 927,1	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	- 3889	0,381	-10 203,2	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1280	2,568	498,489	0,000				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	1,528	6,905	0,221	0,825				
Количество преступлений террористического характера	- 43,451	52,577	- 0,826	0,409				
Количество преступлений экстремистского характера	1,201	0,869	1,382	0,167				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	0,372	0,206	1,810	0,070				
Доля курильщиков	- 13,233	0,094	- 140,612	0,000				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	2366	0,236	10 045,9	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	5898,2	0,277	21 327,1	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 709,156	1,859	- 381,494	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	13,168	4,748	2,774	0,006				
Количество преступлений террористического характера	1,369	38,051	0,035	0,971				
Количество преступлений экстремистского характера	0,152	0,626	0,242	0,809				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 0,151	0,152	- 0,988	0,323				
Доля курильщиков	- 14,994	0,720	- 20,822	0,000				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 1514,3	0,422	- 3584,5	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	2211,7	0,499	4434	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1968	3,369	584,239	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	10,952	8,622	1,270	0,204				
Количество преступлений террористического характера	- 78,937	69,081	- 1,143	0,253				
Количество преступлений экстремистского характера	2,170	1,153	1,882	0,060				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	0,419	0,266	1,574	0,115				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Доля курильщиков	11,273	0,417	27,063	0,000				
<i>Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 48,126	0,222	- 216,902	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	518,606	0,268	1937	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 949,3	1,867	- 508,444	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 0,342	4,933	0,069	0,945				
Количество преступлений террористического характера	66,473	38,952	1,707	0,088				
Количество преступлений экстремистского характера	- 1,398	0,660	- 2,118	0,034				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 0,227	0,148	- 1,539	0,124				
Доля курильщиков	14,621	0,297	49,229	0,000				
Модель 3, уравнения:								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Численность населения</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Приверженность здоровому образу жизни</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,963	0,997	1,05	Nan
Количество преступлений, совершённых студентами	2259,3	0,012	138,495	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	2121,2	0,033	38,480	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	76,910	0,049	28,279	Nan				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	559,138	0,122	- 1,832	0,000				
Количество преступлений террористического характера	133,559	0,100	- 0,963	0,004				
Количество преступлений экстремистского характера	55,277	0,104	- 2,117	0,053				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 34,863	0,308	1,942	0,222				
Доля курильщиков	1,521	3,944	0,386	0,700				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	7334,3	0,080	17,069	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	104,5	0,024	41,556	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1835,7	0,129	8,000	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	6,066	0,184	- 1,636	0,799				
Количество преступлений террористического характера	- 3,467	0,171	0,017	0,500				
Количество преступлений экстремистского характера	- 0,439	0,301	- 0,596	0,792				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	2,393	0,444	1,418	0,496				
Доля курильщиков	1,489	1,607	0,927	0,354				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 4698,4	0,052	32,060	Nan				
Количество преступлений несовершеннолетних	- 3455,9	0,113	10,824	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1837	0,034	38,514	Nan				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	467,004	0,380	- 0,483	0,000				
Количество преступлений террористического характера	113,9	0,302	0,405	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	46,456	0,496	- 0,027	0,009				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 28,679	0,471	1,346	0,304				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Доля курильщиков	1,413	0,336	4,203	0,000				
<i>Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	8775	0,066	28,482	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	– 170,814	0,056	27,508	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	8529	0,106	15,604	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	404,514	0,081	– 1,896	0,000				
Количество преступлений террористического характера	83,058	0,102	0,015	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	36,950	0,096	– 2,699	0,002				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	– 15,484	0,278	2,120	0,340				
Доля курильщиков	1,405	0,692	2,032	0,042				
<i>Приверженность здоровому образу жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	– 3476,1	0,091	18,865	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	– 3806,1	0,101	13,109	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	6059,4	0,061	22,890	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	– 140,867	0,093	– 3,729	0,001				
Количество преступлений террористического характера	– 40,008	0,132	0,014	0,001				
Количество преступлений экстремистского характера	– 15,580	0,174	– 0,735	0,006				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	14,504	0,276	2,191	0,336				
Доля курильщиков	1,434	3,180	0,451	0,652				

Источник: составлено авторами.

Примечания:

* Рекомендованные значения CFI > 0,90 или > 0,95, GFI > 0,90, TLI > 0,90 или > 0,95, RMSE < 0,08.

Список сокращений: std. err — стандартная ошибка; z-value — количество стандартных отклонений относительно среднего значения; p-value — минимальный уровень значимости; CFI и GFI — сравнительный и простой критерии согласия; TLI — сравнительный индекс соответствия; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

Приложение 5. Параметры моделей множественной линейной регрессии

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений на 10 тыс. чел.					0,425
Качество жизни ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- 0,096	4,046	- 0,024	0,966	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	0,000	5,805	0,000	1,000	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	0,001	25,815	0,002	1,000	
Численность населения ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- 12,142	4,872	- 2,492	0,013	
Приверженность здоровому образу жизни ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- 0,256	1,646	- 0,156	0,876	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых студентами					0,434
Качество жизни ~ Количество преступлений студентов	0,302	0,092	3,279	0,001	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений студентов	0,020	0,091	0,218	0,827	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений студентов	0,186	0,115	1,610	0,107	
Численность населения ~ Количество преступлений студентов	0,437	0,060	7,256	0,000	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений студентов	- 0,099	0,107	- 0,926	0,354	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними					0,440
Качество жизни ~ Количество преступлений несовершеннолетних	0,238	0,000	2489,8	0,000	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений несовершеннолетних	5,728	0,000	251 712,5	0,000	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений несовершеннолетних	246,793	0,000	5 882 352	0,000	
Численность населения ~ Количество преступлений несовершеннолетних	0,001	0,015	0,039	0,969	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений несовершеннолетних	0,358	0,000	4209,4	0,000	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения					0,434

Приложение 5. Продолжение

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
Качество жизни ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,234	0,077	3,021	0,003	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,006	0,076	0,080	0,936	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,138	0,096	1,433	0,152	
Численность населения ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,349	0,052	6,768	0,000	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 0,081	0,089	- 0,903	0,367	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения					0,356
Качество жизни ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,089	0,013	6,859	0,000	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,001	0,001	1,377	0,169	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,285	0,870	0,328	0,743	
Численность населения ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	28,466	1,828	15,576	0,000	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,005	0,014	0,338	0,735	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)					0,416
Качество жизни ~ Потребление крепкого алкоголя	- 0,283	0,481	- 0,589	0,556	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Потребление крепкого алкоголя	0,030	0,015	1,917	0,055	
Коэффициент Джини ~ Потребление крепкого алкоголя	0,001	5,223	0,000	1,000	
Численность населения ~ Потребление крепкого алкоголя	- 60,341	54,102	- 1,115	0,265	
Приверженность ЗОЖ ~ Потребление крепкого алкоголя	- 2,129	0,361	- 5,905	0,000	

Приложение 5. Окончание

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Доля курильщиков (%)					0,410
Качество жизни ~ Доля курильщиков	- 17,071	21,601	- 0,790	0,429	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Доля курильщиков	1,646	0,684	2,405	0,016	
Коэффициент Джини ~ Доля курильщиков	- 0,034	234,747	0,000	1,000	
Численность населения ~ Доля курильщиков	- 6740,214	2433,754	- 2,769	0,006	
Приверженность ЗОЖ ~ Доля курильщиков	- 131,292	12,971	- 10,122	0,000	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений террористического характера					0,432
Качество жизни ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,083	0,119	- 0,700	0,484	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,001	0,004	- 0,332	0,740	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,001	0,001	-1,469	0,142	
Численность населения ~ Количество преступлений террористического характера	66,568	13,735	4,847	0,000	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений террористического характера	0,706	0,112	6,320	0,000	
Уравнение: Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений экстремистского характера					0,429
Качество жизни ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,733	0,168	4,370	0,000	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,009	0,009	0,991	0,322	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,013	0,349	0,036	0,971	
Численность населения ~ Количество преступлений экстремистского характера	360,705	30,767	11,724	0,000	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,609	0,269	2,262	0,024	

Источник: составлено авторами.

Примечание:

Список сокращений: std. err — стандартная ошибка; z-value — количество стандартных отклонений относительно среднего значения; p-value — минимальный уровень значимости; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

Литература

- Аузан А. А. et al. 2022. *Мифы и реальность о поколении зумеров*. М.: Институт национальных проектов. URL: <https://job.lanit.ru/about/Documents/2022-6-doklad.pdf>
- Баева И. А. et al. 2022. Факторы социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодёжи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 206: 228–242.
- Бандура А. 2000. *Теория социального научения*. СПб.: Изд-во «Евразия».
- Безвербный В. А. 2017. Социально-экономические и психологические факторы девиантного поведения населения Москвы в контексте расширения мегаполиса. В кн.: *Политическое пространство и социальное время. XXXII Харакский форум*. Симферополь: Изд-во «АРИАЛ»; 34–38.
- Бураков Г. С. 2018. *Профилактика девиантного поведения у подростков методами нейролингвистического программирования*. Выпускная квалификационная работа. Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет. URL: <https://core.ac.uk/download/198201006.pdf>
- В поисках психологической помощи. С 2009 года доля россиян, обратившихся за профессиональной психологической помощью, выросла в два раза (аналитический обзор). 2022. *ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>
- Галич Г. О. et al. 2010. Профилактика девиантного поведения детей и подростков. *Известия ППГУ им. В. Г. Белинского*. 16 (20): 84–91.
- Ганнушкин П. Б. 2000. *Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии.
- Гвоздева Д. И. 2016. Идеал образа жизни личности как превентивный фактор формирования зависимостей в молодёжной среде. В кн.: *Интегративный подход в профилактике зависимостей в молодёжной среде. Материалы IV Международного научного форума*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 17–23.
- Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. 2003. *Западная социология: Учебное пособие для вузов (Классическое образование)*. СПб.: Изд-во ДНК.
- Грошева И. А. 2008. Социальный контроль в практиках профилактики девиации. *Социологические исследования*. 2 (286): 97–101.
- Змановская Е. В. 2004. *Девиантология: психология отклоняющегося поведения*. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия».
- Клейберг Ю. А. 2015. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология. *Общество и право*. 1: 262–268.
- Клейберг Ю. А. 2024. *Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов*. М.: Юрайт.
- Крайг Г. 2012. *Психология развития*. СПб.: Питер.

- Кошарная Г. Б., Данилова Е. А. 2021. Современные формы девиантного поведения молодёжи в условиях цифровизации российского общества. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* 2 (58): 100–109.
- Личко А. Е. 1983. *Психопатии и акцентуации характера у подростков.* М.: Изд-во «Медицина».
- Манохина О. А. 2011. Психологические особенности понятия и причины девиантного поведения подростков. *Учёные записки Российского государственного социального университета.* 1 (89): 106–112.
- Менделевич В. Д. 2005. *Психология девиантного поведения.* Учебное пособие. СПб.: Речь.
- Мухина В. С. 2006. *Возрастная психология. Феноменология развития.* Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия».
- Паатова М. Э., Бегидова С. Н., Хакунов Н. Х. 2012. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение подростков». *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология.* 1: 96–104.
- Позднякова М. Е., Хагурова Т. А. 2012. *На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа).* Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН.
- Портал правовой статистики. 2023. *Показатели преступности в России.* URL: <http://crimestat.ru/>
- Пузиков В. Г., Шурбе В. З. 2011. *Молодёжная политика и качество жизни молодёжи.* Омск: Издательство ОмГПУ.
- РИА Новости. 2023а. *Рейтинг российских регионов по доходам населения.* 19 июня. URL: <https://ria.ru/20230619/dokhody-1878266246.html?ysclid=lqn54r54iw979103087>
- РИА Новости. 2023б. *Рейтинг регионов по приверженности населения ЗОЖ.* 18 сентября. URL: <https://ria.ru/20230918/zozh-1896720509.html?ysclid=lqn5i5qrmw911005166>
- РИА Рейтинг. 2022а. *Демографический рейтинг регионов: 2022. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20220404/630220607.html?ysclid=lqn59ynpqw183440733>
- РИА Рейтинг. 2022б. *Рейтинг регионов по качеству жизни. 2022. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html?ysclid=lqn5gsqr2930763071>
- РИА Рейтинг. 2022с. *Рейтинг регионов по преступности. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html>
- Росстат. 2022а. *Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации.* URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-2-5.xlsx>
- Росстат. 2022б. *Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам.* URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

- Рубан Л. С. 2018. Современное девиантное поведение и отношение молодёжи к его проявлениям. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 18 (2): 318–333. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
- Сухова А. С., Селезнева И. Г., Михайлова Е. В. 2011. Природа девиантного поведения в современной России: экономический аспект. *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 1 (14): 117–121.
- Франкл В. 1990. *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Хагуров Т. А. 2013. Девиации, социальный контроль и риск взросления в современной России. *Вестник Института социологии*. 4 (2): 152–181.
- Ханипов Р. А. 2008. Анализ всего спектра теорий и современной российской практики молодежной делинквентности. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197418749.pdf>
- Чернышева Н., Балацук Е. 2023. Между осознанностью и незаконностью: молодёжные культуры потребления психоактивных веществ в Санкт-Петербурге. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 15 (2): 4–26.
- Шнейдер Л. Б. 2014. *Семейная психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт.
- Baron S. W., Hartnagel T. F. 2002. Street Youth and Labor Market Strain. *Journal of Criminal Justice*. 30: 519–533.
- Berkowitz R. 2020. Students' Physical Victimization in Schools: The Role of Gender, Grade Level, Socioeconomic Background and Ethnocultural Affiliation 30. *Children and Youth Services Review*. 114: art. 105048. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chidyouth.2020.105048>
- Bubnovskaya O. V. 2013. Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth. *World Applied Sciences Journal*. 27 (13): 48–52. URL: <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11>
- Bursik R. J., Grasmick H. G. 1993. *Neighborhoods and Crime: The Dimensions of Effective Community Control*. Lexington: Lexington Books.
- Bynner J., Parsons S. 2002. Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET). *Journal of Vocational Behavior*. 60: 289–309.
- Chamberlain A. W., Boggess L. N., Powers R. A. 2021. Neighborhood Predictors of the Gendered Structure of Non-Lethal Violent Interactions. *Social Science Research*. 96: art. 102545. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223>
- Chapman M. V. 2005. Neighborhood Quality and Somatic Complaints among American Youth. *Journal of Adolescent Health*. 36: 244–252.
- Deflem M. 2017. Anomie, Strain, and Opportunity Structure. In: Triplett R. A. (ed.) *Handbook of the History and Philosophy of Criminology*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell; 140-155.

- Doucet J. M., Lee M. R. 2015. Civic Communities and Urban Violence. *Social Science Research*. 52: 303–316.
- Duncan T. et al. 2017. Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*. 49: 92–101.
- El-Sheikh M. et al. 2020. Sleep and Development in Adolescence in the Context of Socioeconomic Disadvantage. *Journal of Adolescence*. 83: 1–11.
- Fagan A. A., Wright E. M., Pinchevsky G. M. 2015. Exposure to Violence, Substance Use, and Neighborhood Context. *Social Science Research*. 49: 314–326.
- Fedushko S. et al. 2013. The Verification of Virtual Community Member's Socio-Demographic Profile. *Advanced Computing. An International Journal*. 4 (3): 29–38.
- Galea S., Karpati A., Kennedy B. 2002. Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. *Social Science & Medicine*. 55: 1373–1383.
- Global Youth Wellbeing Index*. 2017. URL: <https://www.youthindex.org/full-report>
- Hess R. S., Copeland E. P. 2001. Students' Stress, Coping Strategies, and School Completion: A Longitudinal Perspective. *School Psychology Quarterly*. 16 (4): 389–405.
- Hoelscher K. 2015. Politics and Social Violence in Developing Democracies: Theory and Evidence from Brazil. *Political Geography*. 44: 29–39.
- Hunt G. P., Evans K., Kares F. 2007. Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure. *Journal of Youth Studies*. 10 (1): 73–96.
- Kotlaja M. M., Fagan A. A., Wright E. M. 2020. Perceptions of Danger, Tolerance of Delinquency, and Economic Disadvantage: Examining Neighborhood Influences on Child Physical Abuse. *Child Abuse & Neglect*: 106 (August): art. 104562.
- McAra L., McVie S. 2016. Understanding Youth Violence: The Mediating Effects of Gender, Poverty, and Vulnerability. *Journal of Criminal Justice*. 45 (June): 71–77.
- McCall P. L., Parker K. F., MacDonald J. M. 2008. The Dynamic Relationship between Homicide Rates and Social, Economic, and Political Factors from 1970 to 2000. *Social Science Research*. 37: 721–735.
- Morizot J. 2015. The Contribution of Temperament and Personality Traits to Criminal and Antisocial Behavior Development and Desistance. *The Development of Criminal and Antisocial Behaviour*. 10: 137–165.
- Morris M. C. et al. 2019. County-Level Socioeconomic and Crime Risk Factors for Substantiated Child Abuse and Neglect. *Child Abuse and Neglect*. 90: 127–138.
- Ngai S. S. et al. 2013. Parent—Child Relationships, Friendship Networks, and Developmental Outcomes of Economically Disadvantaged Youth in Hong Kong. *Children and Youth Services Review*. 35: 91–101.
- Pabayo R., Molnar B. E., Kawachi I. 2014. The Role of Neighborhood Income Inequality in Adolescent Aggression and Violence. *Journal of Adolescent Health*. 71: 1–9.

- QDA MINER Lite* — *Free Qualitative Data Analysis Software*. 2023. URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/freeware/>
- Rivard G. et al. 2019. Personality Heterogeneity in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders: A Conceptual Replication Study. *Journal of Research in Personality*. 82 (October): art. 103851. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0092656619300777?via%3Dihub>
- Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. 1997. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. 277: 918–924. URL: <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>
- Sheldon K. M., Lyubomirsky S. 2019. Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*. 16 (2): 145–154. URL: <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1689421>
- Shibutani T. 1961. *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.
- Tristan D. et al. 2017. Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*. 49: 92–101. URL: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005>
- Turner J. H. 1990. Émile Durkheim's Theory of Social Organization. *Social Forces*. 68 (4): 1089–1103. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/68.4.1089>
- Zasimova L. et al. 2023. Unhealthy Lifestyles and Regional Differences in Life Expectancy in Russia. *Public Health*. 225: 66–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028>

Olesia Bubnovskaia, Konstantin Yakubenko

Factors of Youth Deviant Behavior Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions

BUBNOVSKAIA, Olesia — PhD (Psychology), Head of Safety and Risk Lab Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, FEFU Campus. Address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russian Federation.

Email: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

YAKUBENKO, Konstantin — Bachelor student (Economics), School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, FEFU Campus.

Address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russian Federation.

Email: yakubenko.ka@dvfu.ru

Conversely, crime as a form of deviance—particularly prevalent in regions with high economic prosperity—correlates with other forms of deviant behavior such as alcohol use. Notably, drug-related youth crimes are also high in these economically prosperous areas. In contrast, extremist and terrorist crimes are more common in regions with low socio-economic development where alcohol and smoking consumption is less prevalent.

Overall, factors such as population size, quality of life, and commitment to a healthy lifestyle demonstrate higher statistical significance than economic inequality and income level as direct causes of deviant behavior among Russian youth.

Keywords: deviant behavior; factors of deviations; youth; socio-economic development of regions; well-being; safety; security; Russia.

Acknowledgements

The project “Safe Campus: development of a system for monitoring involvement in deviations and interpersonal violence in the context of the well-being of students” was supported as part of the implementation of the

Abstract

The article explores the factors influencing youth involvement in deviant behavior, taking into account the socio-economic development of various regions. The tendency towards deviant behaviors remains significant for societal development, causing harm to quality of life and well-being, while suppressing social and economic opportunities. Understanding the interdisciplinary and regional context may enhance the effectiveness of government programs aimed at scientifically based prevention and correction of youth deviant behavior.

The study materials include research articles on deviance, official crime statistics, and socio-demographic issues from 2018 to 2023, as well as indicators of socio-economic development in Russian regions. These indicators encompass income levels, population statistics, economic inequality, quality of life, and commitment to a healthy lifestyle.

Descriptive statistics, text analysis, structural equation modeling, correlation analysis, factor analysis, and regression analysis methods were employed for data processing and analysis.

The research results revealed the complex economic causality of youth deviant behavior, which may arise from neglecting social and regional factors. While poverty is a significant contributor to deviance, its negative impact can be mitigated through involvement in social institutions and support networks.

donation agreement No. D-156-22 of the FEFU Endowment Fund dated 05/19/2022 to finance projects-winners of the open competition for the support of research and applied projects for the period from 07.02.2022 to 12/31/2024 of the School of Economics and Management (FEFU) from the income from the trust management of the target capital “Strategic projects of FEFU” (The intended purpose is the donation of the public stock company SBER for the development of SEM).

The report on the research materials was presented at the Yasinskaya (April) International Academic Conference of the National Research University Higher School of Economics in 2023. The authors would like to express their gratitude to the National Research University Higher School of Economics for covering the expenses of the young scientist for participation in it.

References

- Auzan A. A., Bahtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Zajcev I. S., Zolotov A. V., Izmet'ev D. V., Kalabihina I. E., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A., Truhachev S. A., Vetrova E. D., Kazbekova Z. G., Kalmykova N. M., Kuek S. E., Lavrent'eva O. N., Palamarchuk E. M., Podrugina V. P., Pustovalov D. N., Seredkina E. A., Tadzhibaeva L. S., Cherenkova K. S. (2022) *Miphy i real'nost' o pokolenii zumerov* [Myths and Reality about the Zoomer Generation], Moscow: Institute of National Projects. Available at: <https://job.lanit.ru/about/Documents/2022-6-doklad.pdf> (accessed 30 August 2024) (in Russian).
- Baeva I. A., Ulyanina O. A., Vikhristyuk O. V., Gayazova L. A., Radchikova N. P., Fayzullina K. A. (2022) Phactory sotsial'no-psikhologicheskoy dezadaptatsii i tsennostnye orientatsii podrostkov i molodezhi [Factors of Socio-Psychological Maladaptation and Value Orientations of Adolescents and Youth]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences = Izvestiya Rossiiskogo gosudagodatel'nogo pedagogicheskogo universitet im. A. I. Gerzena*, vol. 206, pp. 228–242 (in Russian).
- Bandura A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Social Learning Theory], St. Petersburg: Eurasia (in Russian).
- Baron S. W., Hartnagel T. F. (2002) Street Youth and Labor Market Strain. *Journal of Criminal Justice*, vol. 30, pp. 519–533.
- Berkowitz R. (2020) Students' Physical Victimization in Schools: The Role of Gender, Grade Level, Socioeconomic Background and Ethnocultural Affiliation. *Children and Youth Services Review*, vol. 114, art. 105048. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105048>.
- Bezverbny V. A. (2017) Sotsial'no-ekonomicheskie i psikhologicheskie phactory deviantnogo povedeniya naseleniya Moskvyy v kontekste rasshireniya megapolisa [Socio-Economic and Psychological Factors of the Moscow's Population Deviant Behavior in the Context of Metropolis Expanding]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya. XXXII Hkaraksky phorum* [Political Space and Social Time. 1917–2017: Meanings and Values of the Past Century], Simferopol': Publishing House “ARIAL”, pp. 34–38 (in Russian).
- Bubnovskaya O. V. (2013) Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth. *World Applied Sciences Journal*, vol. 27, no 13, pp. 48–52. Available at: <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11> (accessed 30 August 2024).
- Burakov G. S. (2018) *Prophilaktika deviantnogo povedeniya u podrostkov metodami neyrolingvisticheskogo programmirovaniya* [Prevention of Deviant Behavior in Adolescents Using Neurolinguistic Programming

- Methods]. Final Qualifying Work, Yekaterinburg: Ural State Medical University. Available at: <https://core.ac.uk/download/198201006.pdf> (accessed 30 August 2024) (in Russian).
- Bursik R. J., Grasmick H. G. (1993) *Neighborhoods and Crime: The Dimensions of Effective Community Control*, Lexington: Lexington Books.
- Bynner J., Parsons S. (2002) Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET). *Journal of Vocational Behavior*, vol. 60, pp. 289–309.
- Chamberlain A. W., Boggess L. N., Powers R. A. (2021) Neighborhood Predictors of the Gendered Structure of Non-Lethal Violent Interactions. *Social Science Research*, vol. 96, art. 102545. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223> (accessed 30 August 2024).
- Chapman M. V. (2005) Neighborhood Quality and Somatic Complaints Among American Youth. *Journal of Adolescent Health*, vol. 36, pp. 244–252.
- Chernysheva N., Balatsyuk E. (2023) Mezhdú osoznannost'yu i nezakonnost'yu: molodezhnye kul'tury potrebleniya psikhooaktivnykh veshhestv v Sankt-Peterburge [Between Awareness and Illegality: Youth Cultures of Substance Use in Saint Petersburg]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research = Laboratorium: Zhurnal socialnih issledovaniy*, vol. 15, no 2, pp. 4–26 (in Russian).
- Deflem M. (2017) Anomie, Strain, and Opportunity Structure. *Handbook of the History and Philosophy of Criminology* (ed. R. A. Triplett), Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, pp. 140–155.
- Doucet J. M., Lee M. R. (2015) Civic Communities and Urban Violence. *Social Science Research*, vol. 52, pp. 303–316.
- Duncan T., Duff C., Sebar B., Lee J. (2017) Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*, no 49, pp. 92–101.
- El-Sheikh M., Shimizu M., Philbrook L. E., Erath S. A., Buckhalt J. A. (2020) Sleep and Development in Adolescence in the Context of Socioeconomic Disadvantage. *Journal of Adolescence*, vol. 83, pp. 1–11.
- Fagan A. A., Wright E. M., Pinchevsky G. M. (2015) Exposure to Violence, Substance Use, and Neighborhood Context. *Social Science Research*, vol. 49, pp. 314–326.
- Fedushko S., Peleshchyshyn A., Syerov Yu., Peleschyshyn O. (2013) The Verification of Virtual Community Member's Socio-Demographic Profile. *Advanced Computing. An International Journal*, vol. 4, no 3, pp. 29–38.
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning], Moscow: Progress (in Russian).
- Galea S., Karpati A., Kennedy B. (2002) Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. *Social Science & Medicine*, vol. 55, pp. 1373–1383.
- Galich G. O., Karpushkina E. A., Korchagina L. N., Morozova N. L., Tupareva N. V. (2010) Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i podrostkov [Prevention of Deviant Behaviour of Children and Teenagers]. *Izvestiya Penzenstogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, vol. 16, no 20, pp. 84–91 (in Russian).

- Gannushkin P. B. (2000) *Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika, sistematika* [Clinics of Psychopathies, Their Statics, Dynamics, Systematics], Nizhniy Novgorod: Izdatelstvo Nizhnegorodskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii (in Russian).
- Global Youth Wellbeing Index. (2017) Available at: <https://www.youthindex.org/full-report> (accessed 30 August 2024).
- Gromov I. A., Matskevich I. A., Semenov V. A. (2003) *Zapadnaya sotsiologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov (Klassicheskoe obrazovanie)* [Western Sociology: Textbook for Universities (Classical Education)], Saint Petersburg: DNA Publishing House (in Russian).
- Grosheva I. A. (2008) Sotsialniy kontrol v praktikakh prophilaktiki deviatsii [Social Controls in Deviation Prevention Practices]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 2 (286), pp. 97–101 (in Russian).
- Gvozdeva D. I. (2017) Ideal obraza zhizni lichnosti kak preventivnyy faktor formirovaniya zavisimostey v molodezhnoy srede [The Ideal of a Person's Lifestyle as a Preventive Factor in the Formation of Addictions Among Young People]. *Integrativniy podkhod v prophilakteke zavisimostey v molodezhnoy srede. Materiali IV Mezhdunarodnogo phoruma* [An Integrative Approach to the Prevention of Addictions Among Youth. IV International Scientific Forum], Rostov-on-Don: Southern Federal University, pp. 52–59 (in Russian).
- Hess R. S., Copeland E. P. (2001) Students' Stress, Coping Strategies, and School Completion: A Longitudinal Perspective. *School Psychology Quarterly*, vol. 16, no. 4, pp. 389–405.
- Hoelscher K. (2015) Politics and Social Violence in Developing Democracies: Theory and Evidence from Brazil. *Political Geography*, vol. 44, pp. 29–39.
- Hunt G. P., Evans K., Kares F. (2007) Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure. *Journal of Youth Studies*, vol. 10, no 1, pp. 73–96.
- Khagurov T.A. (2013) Deviatsii, sotsial'nyy kontrol' i risk i vzrosleniya v sovremennoy Rossii [Deviations, Social Control and Risk and Growing up in Modern Russia], *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sociologii*, vol. 4, no 2, pp. 152–181 (in Russian).
- Khanipov R. A. (2008) Analiz vsego spektra teorii i sovremennoy rossiyskoy praktiki molodezhnoy delinkventnosti [Analysis of the Entire Spectrum of Theories and Modern Russian Practice of Youth Delinquency]. *Author's abstract. Ph. D. dissertation Ph. D. Social Sci.* Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/197418749.pdf> (accessed 14 September 2024) (in Russian).
- Klayberg Yu. A. (2015) Deviantnoe povedenie: syntagma, ontologiya, epistemologiya [Deviant Behavior: Syntagma, Ontology, Epistemology]. *Society and Law = Obchshestvo i pravo*, vol. 1, pp. 262–268 (in Russian).
- Klayberg Yu. A. (2024) *Pshikhologiya deviantnogo povedeniya: uchebnik i praktikume dlya vuzov* [Psychology of Deviant Behavior: Textbook and Workshop for Universities], Moscow: Yurayt Publishing House (in Russian).

- Kosharnaya G. B., Danilova E. A. (2021) Sovremennie formy deviantnogo povedeniya molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva [Contemporary Forms of Youth's Deviant Behavior in the Conditions of Digitalization of Russian Society]. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, no 2 (58), pp. 100–109 (in Russian).
- Kotlaja M. M., Fagan A. A., Wright E. M. (2020) Perceptions of Danger, Tolerance of Delinquency, and Economic Disadvantage: Examining Neighborhood Influences on Child Physical Abuse. *Child Abuse & Neglect*, vol. 106, August, art. 104562.
- Kraig G. (2012) *Psikhologiya razvitiya* [Psychology of Development], St. Petersburg: Piter (in Russian).
- Lichko A. E. (1983) *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathies and Accentuations of Character in Adolescents], Moscow: Izdatelstvo Meditsina (in Russian).
- Manokhina O. A. (2011) Psikhologicheskie osobennosti ponyatiya i prichiny deviantnogo povedeniya podrostkov [Psychological Features of the Concept And Causes of Deviant Behavior in Adolescents]. *Scientific Notes of the Russian State Social University = Uchenie zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 1, no 89, pp. 106–112 (in Russian).
- McAra L., McVie S. (2016) Understanding Youth Violence: The Mediating Effects of Gender, Poverty, and Vulnerability. *Journal of Criminal Justice*, vol. 45, June, pp. 71–77.
- McCall P. L., Parker K. F, MacDonald. J. M. (2008) The Dynamic Relationship between Homicide Rates and Social, Economic, and Political Factors from 1970 to 2000. *Social Science Research*, vol. 37, pp. 721–735.
- Mendelevich V. D. (2005) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya. Uchebnoe posobie* [Psychology of Deviant Behavior. Tutorial], Saint Petersburg: Rech' (in Russian).
- Morizot J. (2015) The Contribution of Temperament and Personality Traits to Criminal and Antisocial Behavior Development and Desistance. *The Development of Criminal and Antisocial Behaviour*, vol. 10, pp. 137–165.
- Morris M. C., Marco M., Maguire-Jack K., Kouros Ch. D., Whitef W. C., Bailey B., Rao U., Garber J. (2019) County-Level Socioeconomic and Crime Risk Factors for Substantiated Child Abuse and Neglect. *Child Abuse and Neglect*, vol. 90, pp. 127–138.
- Mukhina V. S. (2006) *Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo: Uchebnik dlya stud. vuzov* [Age Psychology: Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence. Textbook for Students]. Moscow: Izdatel'nyy tsentr "Akademiya" (in Russian).
- Ngai S. S., Cheung C., To S., Liu Y., Song H. (2013) Parent—Child Relationships, Friendship Networks, and Developmental Outcomes of Economically Disadvantaged Youth in Hong Kong. *Children and Youth Services Review*, vol. 35, pp. 91–101.
- Paatova M. E., Begidova S. N., Khakunov N. Kh. (2012) Theoretico-methodologicheskii analiz sotsio-pedagogicheskikh fenomenov "deviantnoe povedenie" and "delinkventnoe povedenie podrostkov" [Theoretical-Methodological Analysis of Social and Pedagogical Phenomena "Deviant Behaviour of Teenagers" and "Delinquent Behaviour of Teenagers"]. *The Bulletin of Adyge State University. Series "Pedagogy*

and Psychology” = *Vestnik Adygeyskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*, no 1, pp. 96–104 (in Russian).

Pabayo R., Molnar B. E., Kawachi I. (2014) The Role of Neighborhood Income Inequality in Adolescent Aggression and Violence. *Journal of Adolescent Health*, vol. 71, pp. 1–9.

Pozdnyakova M. E., Khagurova T. A. (2012) *Na puti k prestuplenyu: deviantnoe povedenie podrostkov i riski povedeniya v sovremennoy Rossii (opyt sotsiologicheskogo analiza)* [On the Path to Crime: Deviant Behavior of Adolescents and the Risks of Growing up in Modern Russia (Experience of Sociological Analysis)], Krasnodar: Kuban State University; Moscow: Institute of Sociology RAN (in Russian).

Portal pravovoy statistiki [Legal Statistics Portal] (2023) Pokazateli prestupnosti v Rossii [Indicators of Crime in Russia]. Available at: <http://crimestat.ru/> (accessed 30 August 2024).

Puzikov V. G., Shurbe V. Z. (2011) *Molodezhnaya politika i kachestvo zhizni molodezhi* [Youth Policy and Quality of Life of Young People], Omsk: OmGPU (in Russian).

QDA MINER Lite — Free Qualitative Data Analysis Software (2023) Available at: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/freeware/> (accessed 30 August 2024).

RIA News (2023a) *Reyting regionov po priverzhennosti naseleniya ZOZh* [Rating of Regions According to the Population’s Adherence to a Healthy Lifestyle], September 18. Available at: <https://ria.ru/20230918/zozh-1896720509.html?ysclid=lqn5i5qrmw911005166> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA News (2023b) *Rejting rossijskih regionov po dohodam naselenija* [Rating of Russian Regions by Income], June 19. Available at: <https://ria.ru/20230619/dokhody-1878266246.html?ysclid=lqn54r54iw979103087> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022a) *Demographicheskij reyting regionov: 2022. Inphographika* [Demographic Ranking of Regions: 2022. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20220404/630220607.html?ysclid=lqn59ynpqw183440733> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022b) *Reyting regionov po kachestvu zhizni. 2022. Inphographika* [Rating of Regions by Quality of Life. 2022. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html?ysclid=lqn5gsqr2930763071> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022c) *Reyting regionov po prestupnosti. Inphographika* [Rating of Regions by Crime. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Rivard G., Le Corff Y., Déry M., Bégin V., Lapalme M. (2022) Personality Heterogeneity in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders: A Conceptual Replication Study. *Journal of Research in Personality*, vol. 99, no 1, art. 104240.

Rosstat (2022a) *Phederal’nye statisticheskie nablyudenija po sotsial’no-demographicheskim problemam* [Federal Statistical Observations on Socio-Demographic Problems]. Available at: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Rosstat (2022b) *Koephphitsient Dzhini (indeks koncentratsii dokhodov) v tselom po Rossii i po subektam Rossiyskoy Phederatsii* [Gini Coefficient (Income Concentration Index) for Russia as a Whole and for

the Constituent Entities of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-2-5.xlsx> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Ruban L. S. (2018) Sovremennoe deviantnoe povedenie i otnoshenie molodezhi k ego proyavleniyam [Today's Deviant Behavior, and the Youths' Attitudes to Its Manifestations]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 18, no 2, pp. 318–333. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333 (in Russian).

Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*, vol. 277, pp. 918–924. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918> (accessed 30 August 2024).

Schneider L. B. (2006) *Semeynaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov: Akademicheskii Proekt* [Family Psychology: Textbook For Universities], Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business book (in Russian).

Sheldon K. M., Lyubomirsky S. (2019) Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*, vol. 16, no 2, pp. 145–154. Available at: <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1689421> (accessed 30 August 2024).

Shibutani T. (1961) *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.

Sukhova A. S., Selezneva I. G., Mikhailova E. V. (2011) The Nature of Deviant Behavior in Modern Russia: the Economic Dimension. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business = Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, vol. 1, no 14, pp. 117–121 (in Russian).

Tristan D., Duff C., Sebar B., Lee J. (2017) Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*, vol. 49, pp. 92–101. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005> (accessed 30 August 2024).

Turner J. H. (1990) Émile Durkheim's Theory of Social Organization. *Social Forces*, vol. 68, no 4, pp. 1089–1103. Available at: <https://doi.org/10.1093/sf/68.4.1089> (accessed 30 August 2024).

VCIOM. (2022) *V poiskakh psikhologicheskoy pomoshchi. S 2009 goda dolya rossiyan, obrashchavshikhsya za professional'noy psikhologicheskoy pomoshch'yu, vyrosla v dva raza: 2022 (analiticheskii obzor)* [In Search of Psychological Help. Since 2009, the Share of Russians Seeking Professional Psychological Help has Increased 2-fold: 2022 (analytical review)]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Zasimova L., Sheluntcova M., Kolosnitsyna M., Kossova T., Makshanchikov K., Biryukova A. (2023) Unhealthy lifestyles and regional differences in life expectancy in Russia. *Public Health*, vol. 225, pp. 66–71. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028> (accessed 30 August 2024).

Zmanovskaya E. V. (2004) *Deviantologiya: psikhologiya otklonyajushchegosya povedeniya. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Deviantology: Psychology of Deviant Behavior. Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. *Textbook aid for Students Higher Textbook Establishments*, Moscow: Publishing Center “Academy” (in Russian).

Received: January 9, 2024

Citation: Bubnovskaia O., Yakubenko K. (2024) Factors of Youth Deviant Behavior Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions [Phactory deviantnogo povedeniya rossiyskoy molodezhi s uchetom sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 46–94. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-46-94](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-46-94) (in Russian).